

The background of the cover is a detailed illustration of a man in a light-colored suit and a straw boater hat, seen from behind, walking on a cobblestone street. He is holding a small, glowing object in his right hand. The street is lined with multi-story buildings, some with posters and signs. A tram is visible in the distance, and a large, bright, cloud-like explosion or energy release is occurring in the sky above the street. The overall style is reminiscent of mid-20th-century Soviet-era art.

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ФАЗОВЫЙ ПЕРЕХОД

Том 2.
Миттельшпиль

Одиссей покидает Итаку

Василий Звягинцев

**Фазовый переход. Том
2. «Миттельшпиль»**

«Звягинцев Станислав»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Звягинцев В. Д.

Фазовый переход. Том 2. «Миттельшпиль» / В. Д. Звягинцев —
«Звягинцев Станислав», 2016 — (Одиссей покидает Итаку)

ISBN 978-5-699-88432-2

Операция «Мангуста» по свержению существующего режима в Российской Федерации предотвращена. Подача отбита. Отныне тайные «боевые действия» будут вестись на территории стратегического противника, и фокус внимания «Андреевского братства» сосредотачивается на Соединенных Штатах, где немедленно начинают происходить события, способные изменить двухвековой устоявшийся порядок на континенте и положение во всем мире. Снова Андрею Новикову и Александру Шульгину приходится вступать в большую Игру и вмешиваться в ход истории. Но иначе они уже не могут, потому что сфера их ответственности – Будущее.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88432-2

© Звягинцев В. Д., 2016
© Звягинцев Станислав, 2016

Содержание

Глава двенадцатая	6
Глава тринадцатая	20
Глава четырнадцатая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Василий Звягинцев

Фазовый переход. Том 2. «Миттельшпиль»

*Мы говорим, когда нам плохо,
Что, видно, такова эпоха,
Но говорим словами теми,
Что нам продиктовало время.*

.....

*Но мы не можем жить иначе,
Не променяем – мы упрямы —
Ни этих лет, ни этой драмы,
Не променяем нашей доли,
Не поменяем наши роли, —
Играй ты молча иль речисто,
Играй героя иль статиста,
Но ты ответишь перед всеми
Не только за себя – за Время.*

И. Эренбург

© Звягинцев В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава двенадцатая

Даже по столь серьёзному и, прямо сказать, не слишком частому во всей двухвековой истории Белого дома случаю, как загадочная гибель главы администрации, Ойяма не поехал в Вашингтон. А следовало бы – с печальным видом походить по мосту, посмотреть на извлечённые с дна Потомака обломки, после чего «обратиться к нации» с призывом сохранять спокойствие и дежурными словами в стиле глуповского градоначальника: «Не потерплю!» и «Разорю!»¹.

Он решил хотя бы так для начала обозначить собственную позицию: президент – не шериф и не детектив полицейского отделения, ему не пристало суетиться и изображать служебное рвение, особенно в том случае, если от него ничего не зависит. А для прочувствованных слов время ещё будет. Например – похороны.

Кроме того, следует отучать нацию от популизма. Настоящий правитель должен появляться перед народом (или обращаться к народу) только в предусмотренных церемониалом или, наоборот, действительно экстраординарных случаях. Вроде объявления войны или безоговорочной капитуляции². А тут – ну, что же, бывает. Все мы смертны или, как сказал Лютенс, цитируя какого-то русского писателя: «Да, человек смертен, но это было бы ещё полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чём фокус!»

Документов, доставленных ему Лютенсом от русских «экстрасенсов» (Ойяма предпочитал называть их в ходе внутренних монологов именно так, чтобы не забрести в такие дебри мрачной мистики, из которых, сохранив рассудок, выбраться сложно), было вполне достаточно, чтобы прекратить любые неуместные, на его взгляд, разговоры со своим «ближним окружением». Достаточно уже наговорили, в других странах и на массовые отставки хватило бы, и на судебные процессы.

Мысль о том, что *разговоры* могут прекратиться и не по его инициативе, он загонял в самые дальние уголки сознания. За истекшие полвека так и остался тайной подлинный сценарий убийства братьев Кеннеди. Неизвестно, например, велись ли с ними *предварительные переговоры* и делались ли какие-либо взаимоприемлемые предложения. Или вопрос был решен попросту, как на военно-полевом суде – *без участия сторон*. То есть с ним могут поступить быстро и чётко: пистолет в ящике стола и два человека, на которых он здесь в какой-то мере может рассчитывать, – не защита. А охрана из морских пехотинцев за деньги или по чьему-то приказу может просто отвернуться, пока его будут убивать или «увозить в неизвестном направлении». И в Древнем Риме так бывало, и в средневековой Японии, и в Европе в совсем уже близкие времена.

Правда, неведомый «друг», в совершенстве владеющий японским и знающий Конфуция (то ли сам господин «паранормальный Ляхов», то ли некто, стоящий над ним), обещал помощь. Но стоит ли верить представителям вражеской, в общем, стороны, наверняка ведущим собственную игру? Хотя ситуативно они сейчас, пожалуй, на одной стороне, а это уже немало для человека, которому собственный госсекретарь в лицо пообещала не больше трёх дней жизни. Или хотя бы не жизни в буквальном смысле, а жизни в качестве президента США.

Ойяма нажал кнопку селектора и приказал начальнику собственной службы безопасности (де-юре просто руководителю группы личных бодигардов), коммодору Гедону Брэкетту отвечать на любые телефонные звонки, от кого бы они ни исходили, что президент в курсе случившегося, но внезапно почувствовал сильное недомогание, врач сделал ему необходимые

---

¹ См.: М. Салтыков-Щедрин. История одного города.

² Именно так поступили И. Сталин в 1941 г. и император Японии Хирохито в 1945 г.

инъекции и до завтрашнего утра не велел будить. Причин для беспокойства нет, но с неотложными вопросами пусть обращаются к вице-президенту.

– А как же?.. – удивился коммодор, подразумевая непреложные требования официального протокола и ханжеской морали – непременно лично засвидетельствовать скорбь и негодование по поводу трагической гибели известной особы, к которой Брэкетт, впрочем, не питал даже тени «христианских чувств».

– Именно поэтому, – ответил Ойяма. – Мисс Мэйден зачем-то летела сюда, хотя я её не приглашал. Возможно, она должна была сделать предложение, от которого трудно отказаться. Но карта легла не так. Пусть делают следующий ход. А мне немедленно сообщают все факты, что будут выясняться в ходе расследования. От моего имени позвоните Генеральному прокурору, министру юстиции и директору ФБР. Ну, сами знаете, что сказать...

– Я понял, сэр.

Брэкетт, всю жизнь прослуживший в военно-морской разведке и *приставленный* к президенту его личным другом, начальником этой самой разведки вице-адмиралом Шерманом, хорошо понимал, что началась Очень Большая Игра. В которой ему прямо сейчас приходится делать выбор, скорее всего означающий жизнь или смерть и сюзерена, и его лично. Нравы Белого дома и соответствующих служб он знал досконально. Что президент никак не может быть причастен к катастрофе вертолёта, он тоже понимал. Не было у него ни нужного времени, ни соответствующих возможностей. В то же время – погибшая глава президентской администрации принадлежала к самым яростным его врагам. Значит, закручивается гораздо более хитрая интрига, чем можно было предположить поначалу, и руководит ею опытная рука. Опытная именно в сложных многоходовках, а таких способностей у известных ему «персонажей первого плана» коммодор не замечал.

– Может быть, стоит запросить подкрепления... у адмирала?

Это предложение сразу обозначило сделанный Брэкеттом выбор. Фактически он признавал, что Рубикон перейдён. И то, что президенту США придётся вопреки всем инструкциям, обычаям и действующей иерархической системе привлекать для своей защиты *посторонние* силы в обход *надлежащих процедур*, уже как бы подтверждает – они вдвоём решили, впервые за полтора десятка лет, переступить вроде бы невидимую, но всем очевидную черту.

Против президента его противники имеют *прецедентное* право использовать любые средства, от мягких увещаний до импичмента и пули в затылок, он же – только те, что прописаны в Конституции. И попытка выйти из «мелового круга» опять же автоматически включает механизм морального или физического устранения строптивца.

Правда, заодно следует отметить, что давным-давно никто не представляет, а что же случится, если обречённая на заклание жертва всё же решит сопротивляться всеми доступными ей средствами? Не было на памяти ныне живущих политиков таких случаев.

Разбомбить столицу европейского государства или оккупировать страну на другом конце света президент США может, а вот использовать силовой приём против решившей его устранить компании джентльменов из какого-нибудь гольф-клуба с неприметным названием – ни в коем случае. Да большинству такое и в голову никогда не придёт, так же как, допустим, назвать с трибуны Конгресса лидера оппозиционной партии «грязным ниггером», а не «достопочтенным сэром».

– Спасибо, Гедеон, я обдумываю этот вопрос. А пока делайте то, что я уже сказал. И вот ещё – по любому транспортному средству, наземному или воздушному, разрешаю открывать огонь, «если покажется, что они представляют угрозу». Одна очередь трассирующими – предупредительная, следующие – на поражение. Да, запрет на пользование любыми средствами связи с внешним миром, кроме моих и ваших, остаётся в силе. Даже стоит его усилить. Служебную передающую аппаратуру тоже отключить. И приставить к радиоцентру наблюдателя из ваших людей. Понимающих в этом деле.

– Будет исполнено, сэр! Переходим на режим осадного положения?

– Считайте, что да. Фактически. Но постарайтесь, чтобы внешне всё выглядело... Прилично.

– Есть, сэр! Кстати, хочу, чтобы вы знали – охрана Кэмп-Дэвида способна отразить нападение не более чем роты противника, если она будет штатно вооружена и действовать всерьёз. Боеприпасов у морских пехотинцев – на час хорошего боя.

– Ещё раз спасибо, Гедеон. Надеюсь, до такого дело не дойдёт.

Со сразу посуровевшим и затвердевшим лицом коммодор вышел из кабинета. Вообще говоря, ничего экстраординарного в приказе президента не было: верховный главнокомандующий вправе, ни с кем не советуясь, вводить те меры безопасности, что посчитает нужными. В «особый период», который он может объявить тоже единолично, *советоваться* с Конгрессом и Сенатом просто технически невозможно. А политически – зачастую нецелесообразно.

Имелась лишь одна тонкость – и отдавший приказ, и тот, кто его получил, прекрасно понимали, что случайных, заведомо принадлежащих преступным кланам и синдикатам «наземных и воздушных транспортных средств» в ближайшее время здесь появиться не может. Ну, не Колумбия всё же. Русский десант ещё менее вероятен. Прилетят или приедут такие же «государственные служащие» с чьим-то приказом. В крайнем случае – сотрудники частной военной компании вроде «Блэкуотера», тоже получившие «официальный заказ». В любом случае первый же выстрел будет подобием залпу по форту Самтер³. То есть – началом второй Гражданской войны. Пусть поначалу совсем локальной. Но эпидемия чумы, от которой в четырнадцатом веке вымерло две трети населения Европы, тоже началась с укуса единственной, заражённой *bakterium pestis* блохи.

Могущественная сверхдержава на самом деле держится на нескольких, две сотни лет соблюдаемых по умолчанию правилах, и если от них вдруг отказаться, вся конструкция начнёт рушиться. Грохота и жертв, пожалуй, будет больше, чем при исчезновении советской власти. Русские, они к политическим и военным катаклизмам привычнее, и инстинкт самосохранения у них включается вовремя. Особенно после опыта 1917–1922 годов. И к идее вовремя согласиться выполнять приказы тех, кто *знает, что делать*, они относятся без инстинктивного предубеждения. «Командовать парадом буду я!» – очень хорошая формула утверждения легитимности вождя любого уровня.

Пока президент инструктировал Брэккетта, а потом звонил адмиралу Шерману, Лютенс тоже не бездельничал. Ляхов заверил его, что за Кэмп-Дэвидом ведётся постоянное наблюдение, и никаких *эксцессов исполнителей* допущено не будет, причём аккуратно и по возможности без лишнего шума. В этом Лерой почти не сомневался, имел возможность убедиться, как в аналогичной ситуации это было проведено в Москве. Девяносто процентов даже руководящих работников о попытке государственного переворота узнали только задним числом. Причём – очень задним!

«Зеркальность ситуации» его на самом деле не то чтобы слишком уж поражала, просто заставляла задумываться глубже, чем разведчик привык. Большую часть жизни удавалось обходиться стереотипами, штампами, приближающимися по своей твердокаменности к инстинктам. Имелся набор вариантов, могущих случиться на тех или иных уровнях его и коллег по деятельности. Сообразно им и стоило поступать – при работе в странах третьего мира, союзнических европейских, заведомо враждебных вроде Китая или России. И совершенно неважно, что эти стандартные реакции чем дальше, тем отчётливее демонстрировали свою несостоятельность, несоответствие реалиям меняющегося мира.

---

³ Обстрелом «южанами» форта Самтер, занятого правительственными войсками «северян» 12 апреля 1861 г., фактически началась Гражданская война в САСШ.

В этом, наверное, и заключается суть англосаксонского взгляда на мир: «Если действительность не совпадает с нашими о ней представлениями, то тем хуже для действительности». Десятки раз за послевоенные (после Второй мировой, естественно, ни одна другая война XX века права приниматься за точку отсчёта, «до» и «после», не удостоилась) годы тайные операции ЦРУ и Госдепа с треском проваливались, из вооружённых конфликтов разной степени интенсивности США выползали с сильно помятыми боками и выбитыми зубами, образно выражаясь, но здравых выводов из давних и совсем свежих поражений не делалось.

Что из Корейской, Вьетнамской, Иракской войн, что из операций «Фокус» и «Мангуста»⁴, что из бесконечных «цветных революций», переворотов и контрпереворотов, организуемых Штатами по всему миру без всякой, в общем, разумной цели. Виднейшие теоретики военного дела давно уже сформулировали: «Война имеет смысл, если послевоенный мир будет лучше довоенного». Геополитическое же и внутреннее положение Америки с каждой новой попыткой ощутимо ухудшалось. По всем параметрам – от коллапса экономики и стремящегося к бесконечности государственного долга до зашкаливающего антиамериканизма, государственного и бытового, по всему миру.

Действительно, при некотором напряжении воображения легко было представить, что неизвестным (как бы даже внеземным или *потусторонним*) силам для чего-то потребовалось учинить государственный переворот всё равно в какой великой державе. Точнее, не всё равно. Именно в России или в США. Китай и прочие, тоже якобы значительные государства, члены ЕС и БРИКС эти силы интересовали мало. Совсем как в старой русской поговорке (или просто – практическом наблюдении): «Сруби столбы, заборы повалятся сами».

Логика не совсем понятная, поскольку изменение государственного устройства или полная ликвидация одной из этих держав должны привести к совершенно разным последствиям для мироустройства планеты Земля. Но это если руководствоваться человеческой логикой, а никакой другой Лютенс не владел.

Значит, надо отвлечься от эсхатологических⁵ проблем и заняться более конкретными.

Историю Лерой знал достаточно хорошо, заодно изучал разные философские учения и даже исторический материализм. Это не слишком помогало в практической работе по названным выше причинам, но позволяло считать себя мыслящим существом, способным к рефлексии. Он ведь по сути своей был немец, а не «настоящий американец», тем более – вынужденный нередко выдавать себя за русского.

Но ничего выходящего за пределы всё тех же стереотипов Лютенс придумать не мог. Убрать с доски Ойяму могло потребоваться только силам, твёрдо взявшим курс на войну с Россией «до победного конца». Это выглядело крайне глупо в свете уже произошедших событий. Если только целью неизвестно кого не является полное уничтожение планеты Земля. Никакой иной исход просто невозможен в случае «*Reductio ad absurdum*»⁶.

Но сразу возникает очевидное противоречие. Успех плана «Мангуста» к немедленной войне не вёл. Наоборот, он мог означать окончательное установление «однополярного мира» под властью США. То, что не получилось сразу, в 91-м и нескольких следующих годах. Тогда шансы были великолепные, да вот воображения «владыкам мира» не хватило. Решили, что

⁴ Операция «Фокус» – попытка антикоммунистического фашистского мятежа в Венгрии в октябре 1956 г., замаскированного под «народное восстание». Закончился полным поражением и бегством более 200 тыс. его активистов за границу. Не успевшие эмигрировать руководители мятежа были казнены, в т.ч. «премьер-министр» Имре Надь. Операция «Мангуста», описанная в романе «Не бойся друзей», – попытка свержения действующей власти РФ данной реальности.

⁵ Эсхатология – учение о конечных судьбах мира и человека. Различаются индивидуальная Э. – учение о загробной жизни индивидуальной человеческой души и всемирная Э. – учение о цели существования космоса и истории и об их конце.

⁶ Доведение до абсурда, нелепости, последней крайности – риторический приём, заключающийся в продолжении доводов противника до превращения их в полную бессмысленность. Может также использоваться для выявления скрытых смыслов в позиции оппонента.

«конец истории» сам по себе уже наступил. Когда сообразили, что всё не так, пришлось импровизировать, а в импровизациях англосаксы не сильны.

Зато Китай в этом варианте в расчёт мог не приниматься. Его перевозносимое многими «экономическое могущество» было столь эфемерным, что несколькими точными ходами легко могло быть обрушено, со сведением Срединной империи к уровню заштатнейшей страны третьего мира, обладающей несколькими очагами более-менее технологических производств. Ровно в объёме бытовых потребностей тех же США. Остальные полтора миллиарда китайцев пусть хоть траву едят – их проблема.

А вот в случае краха «верхушечного заговора» в США (аналогично случившемуся с московской «Мангустой») и превращения конкретно Ойямы в полновластного, в российском стиле, президента, причём своей властью и даже жизнью обязанного этой самой России, возможны (как пишут в объявлениях) варианты.

Очень даже интересные и представляющие непосредственно Лютенсу широкое «окно возможностей». Как минимум – должность чрезвычайного и полномочного посла США в Москве. С последующим карьерным ростом как по дипломатической линии, так и по *основной специальности*. Чем плохо – в сорок с небольшим лет стать директором ЦРУ, АНБ, а лучше – единой, по типу российских НКВД и КГБ, организации? Да ещё и распространяющей своё влияние на две Земли сразу. Игра безусловно стоит свеч. Риск же, если вдуматься, лично для него не так уж велик. Главное, раньше времени не засветиться в глазах тех, кто в силах его мельком, походя, *убрать с доски*. Сам ведь по себе он фигурка маленькая, с тех высот, где решения принимаются, почти незаметная.

Лютенсу сейчас крайне необходимо было переговорить с несколькими хорошими знакомыми, сидевшими на не слишком заметных, но достаточно важных постах в центральных аппаратах ЦРУ и ФБР. Связывали их давние, чисто служебные отношения. Как говорится – ничего личного. Для совместных выпивок, поездок на рыбалку, охоту, партии в бридж или покер у всех имелись совсем другие приятели. А вот для того, чтобы работа шла успешно, каждому профессионалу нужны «верные люди» в самых разных организациях, с которыми приходится или придётся взаимодействовать. Поделиться неофициально информацией, свести с кем-то в обход стандартных процедур, переложить важную бумажку из «долгого» ящика в «быстрый» и наоборот – много чего могут сделать друг для друга «рыцари плаща и кинжала», почти вся деятельность которых проходит в балансировании на неуловимых границах между законом, целесообразностью, корпоративными и личными интересами.

И сейчас он рассчитывал получить сведения, жизненно важные для него и почти ничего не стоящие для других, не знающих об их ценности. И в благодарность поделиться собственной, крайне конфиденциальной информацией о ближайших перспективах. Его друзья – люди сообразительные, смогут ею воспользоваться правильно. Как биржевые игроки, своевременно получившие сведения о грядущем «чёрном четверге» 29-го года⁷. В итоге с прибылью окажутся все. Даже в ближней перспективе, не говоря о дальнейшей.

Только связи у него не было. Обратиться к Брэкетту, раскрыв перед ним часть своих карт? Попробовать бы можно, но Лерой знал пуританскую упёртость commodора, унаследованную от предков-первопоселенцев. Это человек, которому невозможно что-то объяснить с позиций логики и практической целесообразности. Он и президенту служит не потому, что разделяет его ценности и мировоззрение, а лишь в силу верности – подобию феодальной вассальной клятвы. И доказывать с фактами в руках тоже бессмысленно – раз приказано не допускать «гостя» до телефона и ноутбука, значит, приказ будет выполнен, невзирая на то, что этот запрет вредит сейчас самому «сюзерену».

⁷ 29 октября 1929 г. началось катастрофическое падение курсов ценных бумаг на Нью-Йоркской бирже, ознаменовавшее наступление Великой депрессии.

Тогда уж проще к самому президенту обратиться, тот хоть способен на разумные доводы реагировать. Но вот этого Лютенс предпочёл бы избежать. До последней крайности. Наверняка придётся объяснять, с кем и о чём он собирается говорить, а там и до обсуждения дальнейших замыслов дело дойдёт. А это пока лишнее. Сказано ведь: «Не умножай сущности...» Нужно придумать что-нибудь попроще, сохраняя при этом свободу воли и маневра.

Он всё же специалист в своём деле и должен суметь найти выход в этой, не самой сложной ситуации. Давненько он не работал *полевым агентом*, но не зря ведь русские говорят, что мастерства не пропьёшь. С момента прибытия в Кэмп-Дэвид Лютенс наблюдал и запомнил. Абсолютно всё. Это могло пригодиться на случай любого развития событий, придётся ли отсюда бежать или, наоборот, участвовать в обороне резиденции, если враги предпримут попытку штурма по той же схеме, что действовали в Москве противники русского президента.

Почему бы и нет, цель ведь похожа, и школа у исполнителей одна и та же. Пусть там действовали русские боевики, а здесь будут американцы, сама операция планировалась по лекалам ЦРУ, аборигенам это ответственное дело не доверили. Сам же Лютенс не доверил, и, пожалуй, напрасно. Но тут ведь тот же самый психологический и оперативный тупик получался – доверь русским действовать по собственному усмотрению, и ты сразу потеряешь над ними контроль, не сумеешь среагировать, если что-то пойдёт неправильно и «партнёры» начнут решать собственные проблемы, а не те, что определены тобой. А работая по чужой указке, «из-под палки», как у них говорится, они, русские, то ли специально, то ли по ставшей уже генетической привычке обязательно начнут вредить, превращая самые безупречно проработанные схемы в их полную противоположность.

И так случается практически всегда за последнюю тысячу лет: как татаро-монголы в этом убедились, так и ныне ещё живущие «специалисты» по насаждению на российской почве «демократии» и «рыночной экономики». Обязательно любые намерения, хоть благие, хоть не очень, становятся поперёк горла их инициаторам. А сами русские, сплюнув и перекрестившись, продолжают жить по собственному разумению, как бы это ни бесило весь «цивилизованный мир».

Вот поэтому Лерой решил действовать так, будто сам сейчас тоже русский, согласно псевдониму и кое-какому опыту. Опять же памятуя уроки, преподанные «куратором». Полностью, конечно, перенастроиться не удастся, не тот *исходный материал*, но по-любому американцы, организуя свои системы безопасности, исходили из собственных представлений, значит, просто надо прикинуть, где оставлены «дырки», именно в силу разного восприятия реальности.

Лютенс непроизвольно усмехнулся. Интересная аналогия в голову пришла – по ассоциации с происхождением того, кого он пытается спасти и потом использовать в своих целях. Вот сидят у общего котла десяток самураев и торопливо хватают зёрнышки риса палочками, зная, что наестся всё равно не получится – риса мало, едоков много. И тут кто-то, раньше имевший дела с «северным соседом», выхватывает «из-за голенища» (условно говоря) приличных размеров деревянную ложку и начинает ею орудовать. Пока остальные сообразят, что происходит, он успеет насытиться. Второй раз такая штука может и не пройти, но в первый – наверняка!

Лютенс устроился с сигаретой на скамеечке в тени кустов, с видом на пруд. Хорошо, тихо – живи и радуйся. Так не дают. Неужели действительно можно организовать всё так, чтобы свою короткую жизнь прожить, если чем и рискуя, то только для собственного удовольствия? На маунт-байке с горы спускаясь или к акулам в гости с видеокамерой ныряя.

Наверное, можно, если то, что Ляхов со своей командой задумал, осуществится. Ну, несколько сотен или тысяч человек ликвидировать придётся, но не миллионы же. Вот разозлятся могут миллионы действительно. Но всё равно же не так обнищают, как в Нигере каком-нибудь или Сомали. Подумаешь, беда: из совета директоров компании – на автосборочный завод, гайки крутить. Из Госдепа – в парикмахерши...

Лютенс засмеялся, представив себе нечто из придуманного, как оно наяву будет. Да нет, вряд ли упомянутые господа работать захотят, скорее в бандиты и проститутки подадутся. По профилю, так сказать.

С этими русскими пообщаешься – невольно в стихийные коммунисты потянет. Не зря каждый из них – пусть подсознательный, но враг свободного мира, даже те, кто с наших рук кормился и в вечной преданности клялся. Вроде как Волович – невольно снова вспомнился верный помощник и «почти что друг». Как он там сейчас, интересно? Ликвидировали его уже или ещё допрашивают в «пыточных подвалах»? Лютенс прекрасно знал, что никаких таких подвалов давно не существует, но стереотип есть стереотип. Как при слове «инквизиция» сразу представляются монахи в сутанах с капюшонами, «испанские сапоги» и аутодафе, так «Россия» ассоциируется с медведями, снегом, водкой и этими самыми подвалами. Что бы там ни было, но жизнь «независимому журналисту» сохранят едва ли. Слишком много знает и слишком подл, чтобы подвергнуться «перевоспитанию». Дали ему чересчур мягкосердечные товарищи одну попытку, и чем она закончилась?

Но тут же разведчик забыл об этом малопочтенном персонаже. Дело нужно делать, хоть и сидя в расслабленной позе и наслаждаясь щебетаньем и посвистами неизвестных экзотических птичек, порхавших в кронах деревьев.

Какие в поместье вообще есть средства связи? Кроме штатных, находящихся под постоянным надзором операторов и охраны. Сотовые телефоны у прислуги? То ли есть, то ли нет. Он никогда не интересовался порядками на режимных объектах вроде этого. Не было необходимости, да и не по чину. Вполне возможно, что это общее правило – сдавать любые гаджеты при входе на охраняемую территорию. Ещё что? «Воки-токи» морпехов. Несерьёзно, едва на пару миль достают. Радиостанции на служебных машинах. Те тоже под присмотром, близко не подойдёшь, не то чтобы внутрь залезть и начать настройки гонять.

Решение пришло быстро. Не зря он о «русском стиле» подумал. Да почему обязательно о русском? Это же Честертон, кажется, писал, где лучше всего спрятать лист. Причём в том рассказе говорилось: «Чтобы спрятать мёртвый лист, он сажает мёртвый лес»⁸.

Ему, слава богу, сейчас этого не нужно, но никто не может утверждать, что нечто подобное не придётся проделать завтра. Логика событий вполне может развернуться в ту самую сторону. Тем более, очень похоже, что некто уже приступил к аналогичной процедуре, иначе, что может означать внезапная трагическая гибель мисс Мэйден? Потребовалось ли убрать именно её по той или иной причине или сама она не представляет никакого интереса, но для определённых целей требуется, чтобы её место стало вакантным?

В то, что крушение вертолёта могло быть роковой случайностью (каковых случайностей из расчётов отнюдь не следует исключать), Лютенс как раз совсем не верил. Принять такое допущение – значит вывести партию за рамки дедуктивного или, наоборот, индуктивного анализа. Злонамеренная акция превращается в фарс. Что так оно очень часто и бывает, Лютенс отказывался признавать, и это стоит отнести на счёт теперь уже немецкой составляющей его личности. Русские весьма почитают знаменитую триаду: «Авось, небось да как-нибудь»⁹, а немцу лучше стократно обыгранное и обхаянное: «Ди эрсте колонне марширт, ди цвайте колонне марширт...»¹⁰

Значит, что мы имеем? Какой вариант попытки нарушения «радиомолчания» придёт в голову безопасникам в самую последнюю очередь?

⁸ Г. Честертон. Сломанная шпага.

⁹ См. у В. Даля. «Авось» – может быть, сбудется (с выражением надежды). «Небось» – сокр. «не бойся, не трусь, не опасайся». Иногда – вопрос, выражающий вероятность, предположение, угрозу («Небось, доедем. Небось, не даст он тебе ни гроша!»). «Как-нибудь» – или в смысле «небрежно», «спустя рукава» или – «так или иначе, но будет сделано, случится».

¹⁰ «Первая колонна наступает сюда, вторая колонна наступает сюда...» – слова из приказа немецкого генерала Пфуля. Цитата из «Войны и мира» Л. Толстого, в которой автор пародирует систему прусского планирования боевых операций.

Правильно – что пресловутый запрет на связь с внешним миром захочет нарушить сам президент. Эта ситуация ими скорее всего вообще не принимается во внимание. «Хозяин барин, что пожелает, то и сделает», значит, всё внимание к остальным обитателям резиденции.

А у президента имеется весь комплект – и сотовые телефоны, и проводные, и специальная защищённая линия, и оптоволоконный кабель, отводка от вашингтонской «горячей линии». Радиорубка с всеволновыми приёмопередатчиками, что-нибудь по линии Пентагона, как положено Верховному главнокомандующему. Лютенс раньше просто не интересовался этим вопросом, а сейчас начал считать и понял, что наверняка о многих деталях обычного понятия не имеет. Вон в дальнем углу парка двухэтажное здание виднеется, сплошь всякими антеннами утыканное, там и космическая связь наверняка, и вообще что-нибудь такое, о чём в популярных журналах не пишут. Да ему это знать и ни к чему. Самое лучшее решение – самое простое.

Не рисковать, пытаясь дозвониться до своих приятелей, которым придётся долго объяснять суть дела, да и то неизвестно, получится с одного раза или нет. А времени на обстоятельные разговоры у него не будет. Кроме наружной слежки наверняка есть и видеокамеры, прослушка во всех более-менее значимых помещениях. Сам по себе факт попытки связи с внешним миром не так страшен, сравнительно правдоподобное объяснение он всегда придумает, но вот содержание его разговоров посторонним знать нельзя ни в коем случае. Значит, проще сразу выходить на «куратора», одной кодированной фразой сказать, что нужно, а потом пусть сам думает, как довести его информацию, мысли и рекомендации до «друзей».

Ляхов оставил ему два телефонных номера для экстренной связи, в нью-йоркском и сан-францисском офисах своего «института», ещё чей-то мобильный и адрес электронной почты. Вот, наверное, к компьютеру бы проще всего подобраться. Тут их наверняка несколько, для хозяина, жены – первой леди, возможно, и в других помещениях президентского дома есть стационарные аппараты или небрежно оставленные ноутбуки. Никто же не готовился заранее к нынешнему «чрезвычайному положению». Осталось найти способ выяснить, где удобнее и безопаснее осуществить свой замысел.

Больше двух часов Лютенс бродил по аллеям, несколько раз обошёл президентский коттедж, прорабатывая способы *замотивированного* туда проникновения. Но ничего исполнимого в голову не приходило. Вспомнил даже русский фильм «Семнадцать мгновений...». Увы, воздушной тревоги, чтобы попасть в комнату связи, в ближайшее время ждать не приходилось, а часовой у входа наверняка проследит, чтобы «гость», по его словам, идущий к президенту «по делу», не отклонился от маршрута.

Проблема, как часто бывает, разрешилась почти что сама собой, «без» и даже «вопреки» потугам рационального мышления.

Лерою просто захотелось пить. День всё-таки был достаточно жарким, и обед слишком острым, в мексиканском стиле. Идти в своё бунгало, где имелся кулер с ледяной водой, не хотелось, да и вода не казалась подходящим к случаю напитком. Гораздо лучше бы выпить пива, а то и хорошего сухого вина. Калифорнийского, но можно и мозельского. На первом этаже гостевого дома, вокруг которого располагались несколько бунгалов, в одном из которых жил он сам, Лютенс ещё утром заметил нечто вроде буфета или бара, и чёрный стюард там в глубине шевелился. Если и сейчас открыто – чего ещё желать. Никаких ограничений в этом смысле на него не налагалось, сам он не «при исполнении», а размышлять и строить планы в *культурных условиях* куда приятнее.

Лерой снова подивился, что русская фразеология приходит ему на ум здесь даже чаще, чем в самой России. Причём эти «культурные условия» – это ж ещё с советских времён, когда выпивка в рюмочной противопоставлялась «поллитре на троих» в подворотне или в кустах на детской площадке.

Бар действительно функционировал, несмотря на то что, по наблюдениям Лютенса, никаких гостей, кроме него, в Кэмп-Дэвиде сейчас не было. Так он и спросил представительного негра лет сорока, одетого в нечто среднее между смокингом и ливреей.

– Вы совершенно правы, сэр. Гости в доме сегодня нет. И вчера, кроме вас, не было. Я даже удивился, что вы не заглянули. Однако заведению полагается работать. Офицеры охраны после смены заходят, старший обслуживающий персонал... Здесь много людей, сэр, которые с удовольствием выпьют стаканчик кока-колы или чего-нибудь покрепче... Вам что предложить?

Мысль о том, что можно действительно позволить себе «покрепче», показалась ему привлекательной. Склонности ведь никуда не делись, невзирая на события последних дней, а сам факт того, что он «употребил», может сыграть на руку. Злоумышленник «в логове врага» никогда не станет вести себя подобным образом. Снайпер не курит в засаде, автогонщик не пьёт перед стартом...

– Пожалуй. Виски?

– Какой сорт предпочитаете? Вот карточка. Или – перед вами, – негр широким жестом указал на стойку у себя за спиной.

Выбор на самом деле был неплох. По пять-шесть шотландского и ирландского дорогих сортов, ромы и водки, включая даже непатриотичную теперь и особенно здесь «Столичную» из Москвы. Вин тоже хватало. Вот пива разливного не было, только бутылочное и в банках европейских стандартов по 0,33 и 0,5 л. Жаль, в России и в Германии он бутылок, а тем более жестянок не признавал. Всё время чувствовался привкус то консервантов, то металла.

– Двойную «Катти Сарк», «Кёниг Пильзнер» большую, фисташки...

Бармен посмотрел на Лютенса с уважением. Похоже, в Кэмп-Дэвиде работали люди куда более сдержанные. Или – слабые в коленках.

– У стойки желаете или за столик подать?

– За столик. Я вон там сяду, возле кондиционера... Курить можно?

– Президент у нас курящий, потому не возбраняется. Только по вечерам нельзя, когда людей, особенно женщин, много. Возьмите пепельницу...

Как раз в это время, переговорив с адмиралом Шерманом об усилении охраны и о том, как это сделать наилучшим образом, не привлекая излишнего внимания, Ойяма снова впал в задумчивость. Такое с ним случалось время от времени. Наверное, тоже что-то от генетического кода. За неимением цветущих вишен, слив (не сезон), а также полной луны на небосводе приходилось довольствоваться подручными средствами. Он просто уселся на гладко выструганные, теплые от солнца доски веранды, так, чтобы его нельзя было увидеть извне.

Место для резиденции выбиралось с умом, никаких «господствующих высот» вокруг него не было. Наоборот, основная территория, покрытая лесом с пересекающими её в разных направлениях аллеями и тропинками, с небольшим озером и гольфовым полем занимала обширное плато, плавно понижавшееся во все стороны. Но широких горизонтов тоже не открывалось, везде взгляд упирался в часто стоящие сосновые стволы и густые кустарники. Поэтому президент для фиксации внимания обычно останавливал взгляд на видневшейся в дальней перспективе странной металлической конструкции, считающейся крайне дорогой и имеющей глубокий смысл инсталляцией какого-то признанного гения, почитаемого одним из предшественников Ойямы, скорее всего Клинтоном.

Иногда «это» вызывало у воспитанного совсем на других канонах президента только раздражение, иногда – желание понять, что за смысл кроется в причудливо переплетённых бронзовых лентах, никелированных швеллерах и ржавых двутаврах. То есть выходило так, что мастер трудился не зря, какие-то мысли и эмоции его творение вызывало. И неплохо способствовало вхождению в медитацию, отвлекая от конкретностей окружающей обстановки.

Ойяма понял, особенно после разговора с Лютенсом, что рациональным образом принять судьбоносное решение ему едва ли удастся. Слишком большое количество факторов, часто – взаимоисключающих, пришлось бы учесть, к тому же никак невозможно просчитать реакции и поступки огромного числа людей, тем или иным образом уже вовлечённых в водоворот событий, повлиять на которые кардинально не может никто, но зато способен давать свой импульс, только усиливающий общий хаос.

Не зря же столь достойный политик и полководец, как Наполеон, считал необходимым и достаточным просчитать любое своё начинание хотя бы процентов на тридцать, предоставляя остальное игре непредставимых случайностей.

С наполеоновских времён сложность общественно-политических систем неизмеримо возросла, как и число субъектов, способных оказывать на них воздействие. Просто за счёт увеличения общей численности дееспособного населения и скорости прохождения и обработки информации. Изучив карту, ознакомившись с донесениями нижестоящих командиров и данными разведки, Бонапарт мог принимать решение, исходя из того, что за ближайшие сутки в обстановке мало что изменится, а сведения о совокупных результатах начатой сегодня масштабной операции станут доступны анализу лишь через несколько дней, а то и на будущей неделе.

А вот сегодня обстоятельства могут меняться намного быстрее, чем *обычный* человек способен осмыслить происходящее, просто догадаться, что случилось *нечто* и мир вокруг уже совсем не тот, как минуто назад.

Поэтому единственный способ сохранить контроль за происходящим – перестать быть *обычным*, выйти за рамки общепринятых стереотипов, здравого смысла, законов (в том числе и законов природы), правил, обычаев и традиций. В 1904 году японцы демонстративно и грубо нарушили принятые среди цивилизованных людей законы войны, напав на русских в Чемульпо и Порт-Артуре без объявления войны и вопреки международному праву. Это в конце концов и принесло им победу в неравной битве. А «мировое сообщество» спокойно проглотило *потрясение основ*, ибо совершено оно было *нужными людьми*, в нужное время и в нужном месте и, как тогда казалось, отвечало интересам большинства великих держав. Через тридцать с небольшим лет ангlosаксы, голландцы и прочая окрестная шваль сообразили, что едва ли стоило так уж радоваться поражению России, но было поздно. Старательно выкормленные из рук, вооружённые и получившие карт-бланш на реализацию любых планов в Китае, Корее и СССР японцы от всей души принялись уничтожать своих «благодетелей». Совершенно так же, как это делал Гитлер в Европе.

Кстати, сами американцы за шесть лет до «первой русско-японской» поступили не менее «остроумно» и подло. Формально ничего не нарушая, они создали «казус белли», взорвав на рейде Гаваны собственный крейсер «Мэн». Плевать на сотню своих моряков, зато Испания была объявлена агрессором и война началась «по всем правилам», с соответствующей нотой и формальным объявлением.

Вот и сейчас – Ойяма должен перестать быть тем, за кого принимает его американский истеблишмент и кое-кто повыше, а когда он сделает то, что смутно пока рисуется его воображению, тогда возмущаться будет поздно. Придётся *традиционалистам* принимать новую реальность как данность. Был Вестфальский мир, был Ялтинско-Потсдамский¹¹, теперь возникнет... Никто пока не знает, как его назовут.

---

¹¹ Вестфальский мир 1648 г., завершивший Тридцатилетнюю войну (1618–1648), установил «окончательные» границы в Европе и принцип их «нерушимости», признал полный суверенитет королей, князей и пр. над подвластными им территориями, «невмешательство во внутренние дела». В Ялте и в Потсдаме (1945 г.) лидерами СССР, США и Великобритании были подведены итоги Второй мировой войны, определены принципы послевоенного мироустройства, обозначены «сферы влияния» великих держав.

И неважно, что для этого придётся пойти на сделку с русскими, до сих пор кажущуюся немыслимой всем «сильным сего, *свободного*, мира». А главное – не с русскими как с государством Российская Федерация, а вначале с очень непонятными силами, выглядящими как русские и базирующимися преимущественно в России. Будет ли это сделкой с дьяволом или пактом с богами – будущее покажет.

Внутренним взором Ойяма видел себя на вершине, в блеске и сиянии славы и могущества, мудрым и авторитетным правителем, далеко перешагнувшим границы так называемой демократии и тому подобной чуши. Надо только суметь выжить несколько ближайших дней, за которые всё и решится. А для этого...

Президент вернулся в реальность, освежённый, полный бодрости и внутренней силы. Внешней, впрочем, тоже. Каждая клеточка его организма просто переполнялась энергией. Ойяма пружинисто вскочил, сделал несколько упражнений боевой гимнастики. Всё великолепно, тело слушается его, как никогда. В таком состоянии можно приступать к великим деяниям.

Ойяма достал из кармана просторной куртки, напоминающей одновременно пижаму (не спальную, а курортную) и кимоно, телефон. Он любил на отдыхе свободные одежды, в отличие от Рейгана, например, который и в старости расхаживал дома в узких джинсах и ковбойских сапогах на завышенном каблуке.

Хотел было вызвать к себе Лютенса, но тут же вспомнил, что «курьер» тщательно обыскан и избавлен от всех предметов, могущих исполнять функции средств связи. Не только мобильных телефонов, но подозрительно выглядевшего массивного хронометра с многими дополнительными циферблатами и кнопками, и портсигара с встроенной зажигалкой. Вскрывать и изучать эти предметы специалисты пока не стали, всё же раздражать раньше времени человека с *неопределённым статусом* не хотелось. Просто заперли в номерную ячейку на проходной и выдали на руки ключ.

Тогда президент набрал трёхзначный номер Брэкетта и велел найти и доставить в библиотеку «коллегу из ЦРУ», то есть, конечно, мистера Лероя из нашего посольства в Москве. Этими словами Ойяма обозначил коммодору статус, который он считает нужным пока что сохранять за «гостем».

Выпив за два приёма очень неплохое виски, Лютенс не торопясь потягивал пиво, тоже отличное. Американцы, честно сказать, в пиве, как и в кофе, ничего не понимают, и то, что подают в обычных барах, как правило, редкостная дрянь, адаптированная под вкусы аборигенов. Но здесь пиво было настоящее, сваренное и разлитое в Германии, без дураков.

Изредка затягиваясь в меру крепкой, ещё в Москве купленной сигаретой «Русский стиль», Лерой перебирал варианты. Пока что ничего не получалось. Подняться здесь на второй этаж и пошарить по комнатам в поисках компьютера, ноутбука или просто подключенного к внешней сети телефона мешал бармен. Никакого повода попасть в административный корпус тоже не было. Любой замок он вскрыл бы за полминуты подручными средствами, но и этой полминуты у него не будет. Поскольку ещё день на дворе и все его передвижения наверняка отслеживает не одна пара глаз. Стоит свернуть с естественных маршрутов – сразу подойдут и вежливо спросят, куда и зачем сэр направляется.

Ночи ждать ещё долго, и тоже не факт, что бунгало, любые другие помещения и вся территория не напичканы ноктовизорами, тепловизорами, масс-детекторами и прочей охранной электроникой. Это не считая собак, с которыми после захода солнца предпочитают патрулировать парк и внешний периметр охранники. Значит, что, тупик?

Лютенс был уверен, что нет. Выход обязательно найдётся, и лежит он на поверхности, только пока ещё не виден. А если вот так?

– Стоун, – обратился он к бармену, прочитав имя, обозначенное на бейдже. – У вас есть лэптоп?

– Есть, сэр, – ответил тот, ничуть не удивившись вопросу. – Разумеется, есть. А у вас разве нет?

– И у меня есть. Только в нём батарея села. Забыл зарядить, когда из дома уезжал...

Говорить о том, что ноутбук у него изъяла охрана, он не стал. Зачем личный гость президента (а кем он мог быть ещё?) будет терять лицо в глазах прислуги. Дела джентльменов лакеев не касаются. Обычно.

– Можно в сеть включить... – теперь в голосе Стоуна прозвучал намёк на недоумение. Мол, неужели господин не понимает таких простых вещей?

– Можно, – согласился Лютенс. – Но для этого придётся вставать и идти в своё бунгало. А мне лень. Одолжите мне свой, буквально на несколько минут. Я не сбегу с ним, честное слово...

Нормальная шутка в устах чуть подвыпившего, добродушного белого господина.

– Нет проблем, сэр. Но имейте в виду, вай-фая в Кэмп-Дэвиде нет. Только по оптоволонному, и только для тех, кому положено...

– Мне Интернет не нужен. Мне с флэшки кое-что прочитать срочно надо...

– Тогда нормально. Сейчас принесу, сэр, – закивал головой и расплылся в улыбке негр. Прямо Дядя Том какой-то. Долго тренировался, наверное, чтобы избранному имиджу соответствовать. А в душе, небось, совсем другое прячет! До первого подходящего случая.

«А случай очень скоро может представиться, – незаметно передёрнул плечами Лерой. – Очень даже скоро».

Стоун скрылся за дверью позади барной стойки и через минуту вернулся с приличных размеров ноутбуком в блестящем алюминиевом корпусе.

– Благодарю. И налейте ещё пива...

Лютенс откинул крышку, включил аппарат. Всё же профессионализм сотрудников охраны резиденции оставляет желать лучшего. «Издержки демократии», снова усмехнулся он. Как быстро произошла перенастройка личности. Всего неделя общения с Ляховым, Рысью и их помощниками – и он уже полностью «on the other side»¹². Совсем недавно ему бы и в голову не пришло иронизировать по такому поводу. Обыскать-то его обыскали и изъяли всё, что сочли подозрительным, а вот на брелок от связки ключей внимания не обратили. Сочли изящную фигурку обнажённой девушки с выразительными формами, вырезанную из отполированной пальцами, чуть желтоватой слоновой кости, не представляющей угрозы «национальной безопасности».

Отчего-то в «тоталитарных государствах» вроде России или бывшей ГДР спецслужбы работали гораздо тщательнее и, так сказать, более творчески, чем в свободном мире. Или тут обратная зависимость – врождённая способность и даже почтительное уважение граждан к разведывательной и контрразведывательной деятельности предопределяет внутреннее устройство государства?

На самом же деле внутри брелока прятались сразу две флэшки – с памятью на двадцать гигабайт и адаптер для выхода в Интернет по сетям сотовых телефонов. Никакой вай-фай не нужен.

Есть! Соединение установлено. Лютенс быстро набрал почтовый адрес (американский, кстати, не московский), оставленный ему Ляховым. Быстро набрал две фразы: «Нуждаюсь в связи помимо любых обычных способов. Крайне срочно. Влад.». Оперативный псевдоним получился из сокращённого имени, под которым он значился в фальшивом удостоверении

---

¹² На другой стороне (англ.).

репортёра одной из московских газет, совсем даже не оппозиционной, чтобы не привлекать излишнего внимания властных структур.

Вот и всё. «Дело сделано, сказал слепой». Лютенс произнёс эту цитату из «Острова сокровищ» вслух, на этот раз по-английски, как в первоисточнике.

И сразу переключился с Интернета на воспроизведение с обычной флэшки. Открыл на какой попало странице длинный отчёт о проделанной в Москве работе и углубился в него. Служба есть служба, и докладывать по начальству всё равно придётся, если, конечно, мир в ближайшее время не перевернётся с ног на голову, а возможно, как раз наоборот.

Так и будет он сидеть здесь, покуривая и прихлёбывая пиво, наслаждаясь прохладой и одиночеством, пока не получит какой-либо ответ от «куратора». На этот самый лэптоп или «помимо обычных способов», на что Вадим Петрович большой умелец.

Всё же интересно – на самом ли деле изучение всякой эзотерики и прочей мистики реально способно настолько расширять человеческие способности или дело всё же в чём-то другом? Разумных ответов напрашивалось только два. Нет, вернее, три, подумав, решил Лютенс.

Или это некие новые разработки русских учёных, не раз уже удивлявших мир совершенно неожиданными открытиями, неизвестным образом попавшие в руки безусловно частного лица, господина Ляхова. Что это именно так, Лерой не сомневался, «государственных людей» он, что называется, нюхом чуял, не такое уж сложное дело – отличить «вольного стрелка» от чиновника, тем более весьма высокого ранга.

Второе – проделки инопланетян. Сколько бы ни было написано трудов, опровергающих возможность существования внеземного разума, и сколько бы фантасты ни писали «за», Лютенс с чисто практической точки зрения в множественность обитаемых миров непоколебимо верил. С чисто научной точки зрения. Бесконечность остаётся бесконечностью, сколько раз её ни дели на что угодно, даже на самоё себя. Если во Вселенной бесконечное число не только звёзд, но и целых Галактик, значит, бесконечно и число вращающихся вокруг звёзд планет. Среди них – бесконечное число землеподобных и столько же населённых разумными существами, в том числе и гуманоидами, обогнавшими землян в развитии. Другое дело, что они могут быть разнесены с нами по времени и находиться от Земли на бесконечно большом расстоянии. Но ведь тогда должно существовать бесконечное число способов преодолевать бесконечные расстояния за бесконечно малые отрезки времени...

Такая вот забавная умственная игра. Которая может быть опровергнута одним только способом – признанием единого для всего Мультиверсума¹³ Господа Бога, который в неизречённой милости своей, а также с учётом неисповедимости своих же путей устроил мир таким образом, что в нём может существовать только одна планета, населённая разумными обитателями. Ему больше и не нужно, чтобы через созданных им людей осознавать смысл собственного существования и принимать положенные почести от существ, устроенных «по образу и подобию». Что за Нарцисс без зеркала и зачем другая женщина человеку, «влюблённому в одну особу страстно»?

Понятно, что появлением на Земле «пришельцев» можно объяснить практически всё, но смысла в таком объяснении немного.

Ну и третье: Ляхов и вся его команда – всё-таки пришельцы, но не из других миров, а из человеческого будущего. Причём – не очень далёкого. Этот вариант вполне универсален, позволяет ответить на любой почти вопрос, в том числе и насчёт «параллельной Земли». Мало ли, что наплёл Волович насчёт того, что там, «по ту сторону», – наше прошлое, тридцатые или двадцатые годы, даже двадцатидолларовую бумажку показал, очень убедительно выгля-

---

¹³ Мультиверсум – гипотетическое устройство мироздания, состоящего из энного в энной степени количества Вселенных, каждая с собственной уникальной конструкцией и набором «законов природы».

девушу. Рассказать всё можно для «прикрытия легенды», и дензнак отпечатать. Даже сегодня на хорошем принтере подобную изготовить можно, а что будут уметь люди через десять или двадцать лет? Год назад и о возможности создания «3D-принтера» никто не подозревал.

И какой из всех этих построений следует вывод? Конкретно для него, Лероя Лютенса. Как ему поступать в *предложенных обстоятельствах*? Конечно, так, как уже решил. Хоть люди из будущего, хоть всемогущие экстрасенсы знают, что делают, и знают, как и для чего. Ставший у них на пути заведомо проиграет. Хотя бы только текущее мгновение своей жизни. А проиграв его – и всю партию, которая для самого Лютенса означает не более и не менее, чем вся оставшаяся жизнь. Будет ли она долгой и счастливой или короткой и отвратительной – зависит только от его поведения здесь и сейчас.

За окном бара он заметил вдруг возникшую суматоху. Только что на прилегающих аллеях и лужайках было тихо и безлюдно, и вдруг замельтешили охранники, явно исполняя внезапно поступивший приказ. Явно кого-то ищут. А кого, если не его, «гостя»? Заглядывают в бунгало, которые видно отсюда, направляются к дому, где он сейчас *отдыхает*. С чего бы это вдруг? Засекли всё же его выход в Интернет? Или дело не в нём, а поступило некое сообщение о заложенной бомбе, например, или о том, что на территорию проник злоумышленник?

Непохоже, тогда тревога была бы всеобщей, с воем сирен и подъёмом всего личного состава.

Значит, первое.

Лютенс хотел было выдернуть флэшку, потом передумал. Зачем ломать легенду? Да, попросил лэптоп, нужно было кое-что освежить в памяти. А «исходящее письмо» он сразу стёр. Могли, конечно, и записать, если у них подходящая аппаратура была наготове, ну, как-нибудь перед президентом оправдается. У них ведь кое-какое взаимопонимание уже достигнуто. Вот в этом ключе и будем строить линию поведения.

На пороге бара появился секьюрити в штатском в сопровождении сержанта морской пехоты. Тот – с коротким «Хеклер-Кохом» на плечевом ремне¹⁴.

– Мистер Лютенс? Вот вы где. Пойдёмте, вас немедленно хочет видеть президент.

– Пойдёмте. Только сейчас пиво допью. Не люблю оставлять. Сколько с меня? – повернулся он к бармену, одновременно закрывая лэптоп и выдёргивая флэшку.

– Ничего, сэр. Для гостей – бесплатно, – самой широкой из своих улыбок расплылся Стоун.

«Неужели такие громадные и белые зубы – собственные?» – не совсем к месту подумал Лютенс. А вслух сказал: – Спасибо. Было очень вкусно и мило, – и, чуть понизив голос, добавил: – Настоящий коммунизм.

---

¹⁴ Скорее всего – «H&K MP 5A3», популярный германский пистолет-пулемёт кал. 9Пар, с выдвижным плечевым упором.

Глава тринадцатая

Лютенс, направляясь к выходу из бара, услышал сзади и слева, почти возле самого уха тихий голос Ляхова:

– Не торопись. Сначала загляни в туалет...

Разведчик уже ничему не удивлялся, раз и навсегда согласившись, что в этом мире существует много такого, о чём он раньше не подозревал. Так и коренные обитатели Америки понятия не имели, что рядом с ними, буквально рукой подать, располагается Старый Свет, населённый людьми, умеющими творить чудеса ничуть не менее удивительные, чем Лютенсу сейчас демонстрирует русский «профессор необъяснимых явлений». Обо всех этих чудесах индейцы узнали, только когда на континент хлынули толпы, а скорее даже – орды переселенцев. И очень быстро научились использовать изобретения белых людей. Прежде всего – виски и огнестрельное оружие.

Так что и за себя Лютенс не опасался – научиться всему, что сам Ляхов и его помощники умеют. Если, конечно, ему будет предоставлена такая возможность. Но пока вроде ничто не говорило об обратном.

В обширном «предбаннике», как мысленно он назвал по-русски помещение перед туалетными кабинками, кроме четырёх раковин умывальника помещался низкий стол вроде журнального с несколькими пепельницами и кубическими, обтянутыми пластиком банкетками вокруг. А на стене висел большой плоский плазменный экран. Очевидно, здесь так заботились о посетителях, что предусмотрели желание курящих посетителей не отрываться от просмотра футбольного или бейсбольного матча даже на несколько минут. Или – слушать комментатора, сидя на унитазе. Даже диарея не в силах помешать настоящему болельщику.

Лютенс убедился, что сопровождающие за ним следом не пошли, остановился напротив телевизора, догадываясь, что «куратор» вновь использует оный в качестве транслятора. Удобно, ничего не скажешь, если есть техническая (или мистическая) возможность «садиться на волну», как говорят радисты.

Действительно, экран тут же и осветился, появился Вадим Петрович, выглядевший, как нормальный диктор новостного канала. За его спиной имелась даже карта Соединённых Штатов, рельефная, от пола до потолка. Хорошая маскировка, если вдруг кто внезапно и войдёт, сразу ничего не поймёт, а дальше уж Ляхов наверняка придумает, как выходить из ситуации. Да просто отключится, перебросив сюда картинку с любого подходящего американского.

– Что у тебя случилось, зачем связь просил? – без предисловий осведомился Вадим Петрович.

Лютенс объяснил, тоже предельно кратко, сложившуюся обстановку и необходимость войти в контакт со своими коллегами, которые могут помочь...

– Хорошо. Связь тебе сам президент организует, когда ты передашь ему то, что я тебе сейчас скажу. Кое-что продемонстрируешь и потом передашь. А для полного твоего спокойствия и вашей с «шефом» безопасности я направлю к вам несколько своих ребят. Особо подготовленные специалисты в любой области. В том числе и паранормальной. Умеют предвидеть ближайшее будущее, владеют всеми приёмами охранной деятельности и контртеррористической борьбы. Заодно – обеспечат постоянную связь с «Институтом». Или эвакуируют в случае крайней необходимости – есть с ними нужная аппаратура. Два мужчины и девушка. Симпатичная, хоть и не «Рысь». Легенда, она же – чистая правда – сотрудники моего института, прибывшие на помощь тебе и президенту. Так ему и доложишь. Задача – объяснить Ойяме, что тебе необходимо предоставить полную свободу действий, с правом выезда за пределы «лагеря»¹⁵.

---

¹⁵ Кэмп-Дэвид – буквально «лагерь Давида». Назван в честь внука президента Эйзенхауэра.

– Не знаю, получится ли. У меня всё отобрали, не только телефоны, секьюрити по пятам ходят. Сейчас – за дверью стоят.

– А ты ему вот так примерно скажи: «Господин президент, не мешайте мне, поскольку только полная свобода маневра поможет должным образом защитить и ваши, и общенациональные интересы. Даже в строгой изоляции я могу многое, но на свободе – намного больше. Вот первое доказательство – ровно через пятнадцать минут, по моей команде, сделанной помимо всех ваших предосторожностей, антипрезидентская кампания в прессе и эфире прекратится. Ещё через полчаса, если договоримся, телевидение и радио начнут вещать то, что МЫ С ВАМИ им прикажем. Газеты в силу технических причин сделают это только завтра в утренних выпусках». Можешь добавить: «Хотите жить и править дальше – больше мне не мешайте. И увидите, как мимо вас начнут с пугающей многих регулярностью носить трупы ваших врагов...»

Ляхов закончил свою тираду и как-то многозначительно усмехнулся.

– Всё запомнил? Пора идти, сопровождающие уже забеспокоились...

– Как вы сказали, – в некотором обалдении переспросил Лютенс, – вся кампания во всей прессе? Антипрезидентская и антироссийская? И как это будет выглядеть?

– Мне самому интересно, как именно такой пируэт будет оформлен. Но что будет – гарантирую. Антипрезидентская прекратится сразу, – он посмотрел на часы, – уже через восемь минут. Антироссийская сойдёт на нет постепенно. Наверняка найдутся гораздо более интересные темы...

– Звёзды подсказали? – съязвил Лютенс.

– Скорее – чьи-то внутренности. Как там в Риме назывались гадалышки на потрохах? Не авгуры?

– Не помню точно. Кажется – гаруспики, если память не подводит. Читал, что это был один из самых надёжных методов...

– Вот видишь. Мои ребята будут ждать связи в близких окрестностях. Телефон – три шестёрки, три девятки. Назовёшь себя, они подтвердят готовность. Дальше – по обстоятельствам. В общем – до скорого. Главное, с шефом порешительнее держись. За тобой я, Россия и все потусторонние силы...

Экран погас. Лютенс сполоснул руки, вытер бумажным полотенцем и ногой толкнул дверь. Охранник и морпех отклеились от стенки, которую они подпирали по обе стороны двери.

– Подслушивали? – с противной улыбочкой спросил Лерой, испытывая острое желание хамить этим парням, слишком явно изображающим из себя тюремщиков. Могли бы и поделкатнее с гостем президента. – Что-нибудь интересное услышали? Вряд ли, – ответил он сам себе, – кишечник у меня работает аккуратно. Ну, пойдёмте, что ли, президент заждался...

В нём билась сейчас весёлая сила. Он поверил Ляхову. Врать в таких делах никто не будет. И никто на свете не в состоянии из Москвы подключиться к телевизору в резиденции президента США. Захотелось как-то обозначить и свою сопричастность к явлениям, превосходящим человеческое понимание. Пожалуй, думая о должности посла в Москве, он чересчур занизил планку притязаний. Место, конечно, публичное и почётное, Спасо-хаус¹⁶ пошкарнее, чем Белый дом в Вашингтоне, но всё же не то. Надо будет подумать...

И ещё он чувствовал себя, как янки при дворе короля Артура, возложивший все свои надежды на предстоящее солнечное затмение. Случится – он жив и на коне. Ошибочка вышла – придётся узнать, каково оно: гореть на костре. От чего раньше умрёшь – от удушья или от болевого шока? Интересная тема.

---

¹⁶ Спасо-хаус – разговорное название резиденции посла США в Москве (особняк Второва), производное от адреса – Спасопесковская площадь, 10.

Президент выглядел, на взгляд Лютенса, не совсем соответствующим обстоятельствам образом. Любой здравомыслящий человек, особенно такого уровня информированности, как Ойяма, должен был сейчас пребывать в состоянии сосредоточенном и в некотором роде подавленным. Потому что окружающая действительность не создавала никаких причин для оптимизма. Даже самый благоприятный вариант развития событий не сулил ни малейшего про света. В наилучшем раскладе – сохранение статус-кво. А в этом самом «кво» не было ничего приятного. Ни собственное окружение, ни правила игры он поменять не мог, да, кажется, не очень и хотел. Так, по крайней мере, это выглядело со стороны, с точки зрения достаточно стороннего, но искушённого в политике и психологии человека. Такого, как Лютенс.

А то, что президент если и поверил письмам, полученным от Ляхова, и словам самого Лютенса, то они не пересилили заложенный в него стереотип, было достаточно очевидно. Усилить свою охрану и на время укрыться в Кэмп-Дэвиде – согласился, но на что-то большее – едва ли. Наверное, с его точки зрения, пойти против двухсполовиновековой традиции – почти то же самое, что искренне верующему ради спасения своей земной оболочки отречься от Христа и Грядущего Царствия Небесного.

Да ведь и действительно, если вдуматься, от него, достигшего этого поста не собственными усилиями и достоинствами, а поставленного на него волей людей, даже и к так называемому «американскому народу» имеющих весьма косвенное отношение, трудно ожидать воли и решительности Наполеона или великих диктаторов XX века. Те, с каким бы знаком ни оценивать их деяния, все как один демонстрировали качества, которых не было ни у одного нынешнего правителя – и достигали поставленной цели. А если и терпели неудачу, то только потому, что сталкивались с умом более изощрённым и волей ещё более нестигаемой.

Такой вот случился в первой половине XX века каприз истории – поместить в тридцатилетний отрезок времени сразу десятков (а пожалуй, и больше, если считать деятелей «второго плана», вполне имевших шанс тоже стать «первыми») людей, с разной степенью результативности, но с равным упорством воплощавших в жизнь собственные представления о должном мироустройстве – и до неузнаваемости это мироустройство изменивших.

Не говоря о таких титанах, как Ленин, Сталин, Гитлер, Рузвельт, Черчилль (опять же безоценочно, только по факту степени воздействия на судьбы человечества), имелись в обойме Муссолини, Франко, Чан Кайши, Мао Цзэдун, Де Голль, Салазар, Перон, а также персоны совсем уже местечкового масштаба, но всё равно не чета нынешним слабодушным и продажным «менеджерам» бывших великих держав: Маннергейм, Пилсудский, Хорти, Антонеску...

Благодаря столь странной концентрации в одном месте и в одно время всех этих «пассионариев» первая половина прошлого века получилась более чем оживлённой и увлекательной¹⁷.

Были – и вдруг все разом исчезли. Везде им на смену пришли люди, серые до неприличия, как раз такие, чтобы резко осадить человечество в его экзистенциальном порыве, аккуратно, почти без потрясений превратить борцов в жителей «города дураков»¹⁸, мечты о «пыльных тропинках далёких планет» – в реальность корыта с пареными отрубями и селёдочными головами.

Ойяма тоже не принадлежал к лидерам, готовым со шпагой в руке кинуться на собственный «Аркольский мост»¹⁹. Однако сейчас он был не просто бодр, а как бы *просветлён*, глаза у

¹⁷ Русский поэт Н. Глазков по этому поводу писал: «Я на мир взираю из-под столика / Век двадцатый – век необычайный / Чем столетие интересней для историка / Тем для современника печальней».

¹⁸ См. А. И. Б. Стругацкие. «Хищные вещи века».

¹⁹ Битва при Арколе (15–17.11.1796), один из эпизодов франко-австрийской войны. Штурм Аркольского моста, который генерал Бонапарт возглавил лично, со знаменем в руке, принято считать одним из «звёздных часов», сделавшим из обычного генерала великого полководца и императора.

него блестили, можно было подумать, что президент *встряхнулся* чем-нибудь вроде умеренной понюшки кокаина. Но данных о подобных пристрастиях Ойямы у Лютенса не имелось.

Президент не просто вежливо, но с явной благожелательностью поздоровался с «гостем», или «посланником». Лерой не понимал, в каком качестве хозяин его сейчас воспринимает. Но первый же вопрос прозвучал отнюдь не безобидно:

– Мне доложили, что вы ведёте себя, как человек, сильно чем-то обеспокоенный. Вот этот фокус с ноутбуком бармена – зачем он вам понадобился?

– Какой фокус? Мне действительно нужно было просмотреть кое-какие документы, а ваши секьюрити лишили меня доступа...

– Хм! А мне показалось, что вы пытаетесь установить связь со своими сообщниками «на воле». Ну, будем считать, что имели место просто помехи в системах контроля. Это сейчас не имеет значения. Вы знаете, после длительных размышлений я решил, что помощь от ваших «знакомых» принять можно. Но, естественно, на моих условиях. Я в любом случае – сильнейшая сторона в переговорах, а русский президент блефует, пусть и достаточно талантливо. Условия будут простые: они обеспечивают мою безопасность, мы заключаем тайное соглашение о сотрудничестве и взаимной помощи, но публично русские признают свою неправоту и соглашаются взять назад большинство тезисов, которые мой коллега изложил, не подумав, находясь в состоянии сильного душевного волнения. Никаких юридических последствий такое признание иметь не будет, мы всего лишь дадим нашим недоброжелателям кусок мяса, в который они вцепятся и не станут нам мешать в главном...

А мы тем временем продолжим наши тайные консультации и выйдем, в конце концов, на взаимоприемлемое соглашение, которое в нужное время можно будет и опубликовать.

Разумеется, то, что я сказал, – это самая грубая схема. Каркас. Над деталями можно будет поработать, если сойдёмся в главном.

Сможете вы исполнить роль моего спецпредставителя? Такие вещи нужно обсуждать лично – ни телефону, ни Интернету я не доверяю. Тем более, сейчас любой текст можно исказить как угодно.

– Вроде Гарри Гопкинса?²⁰ – усмехнулся Лютенс. Он сразу раскусил замысел Ойямы. Не так уж глупо. Он, в принципе ничем не рискуя, одномоментно получил бы от русских всё, что требуется, чтобы вновь взять ситуацию внутри страны и вне её под свой контроль, ничего практически не предлагая взамен, кроме «конфиденциальных» договорённостей. А цена им, как известно, копейка в базарный день. Америка и от подписанных по всем правилам договоров отказывалась, не моргнув глазом.

Тем более, такие «частные переговоры» могут быть в любой момент свёрнуты «без объяснения причин», и в любом случае Ойяма, если даже вообразить его кристальной честности рыцарем, через два года перестанет быть президентом. И всё на этом. Америка вся в белом, партнёр, как всегда, в дерьме.

Между прочим – и Лютенс это хорошо знал – такие штуки регулярно проделывали каждый второй из американских президентов, и очень немногим потом приходилось «отвечать за базар». Лерой машинально произнёс последние слова по-русски и вслух.

– Что вы сказали?

– Так, сорвалось с языка. Раз мы говорим о русских. У них это означает, что давать пустые обещания небезопасно.

– Да? А у них в данном случае есть выбор?

«Ты бы лучше подумал, есть ли он у тебя!» Но этого вслух он говорить не стал.

---

²⁰ Гопкинс (Hopkins), Гарри Ллойд (1890–1946), советник и спецпомощник президента США Ф. Рузвельта, которому в годы Второй мировой войны неоднократно поручались конфиденциальные контакты с руководством СССР.

– Видите ли, сэр, мне кажется, вы недооцениваете серьёзность положения. Неужели вы не задумываетесь, что означает развязанная против вас кампания травли? С Никсоном и Клинтон и то обходились помягче. Я предполагаю, это *очень грубый намёк* на то, что ваша судьба предрешена. И *неприятность* с мисс Мэйденом – из того же ряда. Вам как бы демонстрируют варианты. Всего час назад я слышал по CNN такое, что...

– А я так не считаю! – перебил его Ойяма. Голос президента приобрёл осязаемый металлический оттенок. – Если русские согласятся, на первом этапе мы обезоружим моих противников. А затем... Я не хочу говорить, что мы станем обсуждать дальше, но, уверяю, внакладе не останется никто. Ни русские, ни я, ни вы...

– Не смею с вами спорить, сэр... – Лютенс заметил, что они разговаривают стоя. Президент с порога взял быка за рога и не догадался пригласить «будущего спецпредставителя» присесть, к столу или в кресло.

Он слегка кашлянул и выразительно посмотрел в сторону дивана, кресел и журнального столика между ними.

– Ах да! Простите, Лерой. Садитесь, конечно, возьмите сигару. Не желаете ли виски?

Лютенс пожелал. Разговор предстоял долгий, и он не собирался слишком уж демонстрировать президенту свою подобострастность. Не в том они сейчас положении. Если Ойяма этого до сих пор не понял (а похоже, что так) – тем хуже для него.

– Я только что получил сообщение...

– От кого и каким образом? – вскинулся президент.

– Вы правильно угадали. С помощью лэптопа бармена. У наших друзей есть методы. Да вы и сами это знаете. Так что ваши предосторожности оказались излишни. Не совсем, не совсем, – поспешил он успокоить собеседника. – Вся ваша охрана, в том числе и коммодор Брэкетт, остаётся в уверенности, что я надёжно изолирован и потому специального интереса не представляю...

– А на самом деле?

– На самом деле мне предложено довести до вашего сведения следующее: русские не собираются ни в чём извиняться и ничего уступать. Их позиция тверда и неизменна – или полностью равноправные отношения, или им придётся обсуждать эту тему несколько позже. И необязательно с вами.

– Это угроза?

– Ни в коем случае. Предложение действительно честного и равноправного сотрудничества. В результате лично вы получите всё, о чём мечтаете, даже пожизненное президентство, если оно вас действительно интересует. Меня просили также передать, что в их распоряжении есть средства настоять на своём, причём средства эти будут использованы отнюдь не ими, но в их интересах.

– Есть средства? Тогда зачем им я и вообще все эти разговоры?

– Они хотят, чтобы всё выглядело естественно. Нельзя слишком сильно расшатывать миропорядок. Сами подумайте: если даже не брать во внимание то, чем закончили своё существование Третий рейх и Японская империя – и я и вы имеем к этим странам некоторое отношение, и их судьба нам не безразлична, – стоило ли достижение первоначальных целей тех жертв, которые эти страны понесли в ходе войны? Да и антигитлеровская коалиция тоже. А ведь всё можно было решить совершенно иначе. Просто отойти от «общепринятых» методов дипломатии и поговорить на другом языке и с иных позиций. Думаете, Рузвельт не сумел бы договориться с Микадо, оставшись с глазу на глаз?

Как раз о чём-то подобном – о необходимости выхода из плоскости повседневных представлений – Ойяма и размышлял во время медитации...

– Интересно, – сказал он. – И о чём бы я говорил, допустим, с моим русским коллегой, если бы встреча состоялась? Прямо сейчас. Как нам не *расшатать миропорядок*?

– Для начала мне сказали: «Чтобы продемонстрировать наши возможности и одновременно морально поддержать господина Ойяму, мы отдаём команду прекратить развязанную против него «антиамериканскими элементами» кампанию диффамации. Когда президент убедится, что так и случится, разговор может быть продолжен».

Лютенс демонстративно посмотрел на запястье, где не было часов, перевёл взгляд на высокие напольные, напоминающие башню лондонского Тауэра.

– Включите телевизор, сэр...

– Ну, это уж полная чушь. Они смеются над вами, а вы хотите сделать идиотом меня. Что значит – «отдаём команду»? Как? Кому? На это не способен даже я! Если я соберу здесь, у себя всех владельцев и главных редакторов медиахолдингов и прочих независимых СМИ и обращусь к ним с предложением изменить свою политику, согласно моим указаниям, мне сначала рассмеются в лицо, а потом окончательно смешают с дерьмом и грязью. Обмажут смолой и обваляют в перьях...

– А если в ответ им будет дано понять, что в случае саботажа часть из них будет расстреляна, а остальные сгинут в тюрьмах и лагерях? – с долей задумчивости спросил Лютенс. – И тут же найдутся люди, которые займут их место и начнут проводить *правильную* политику.

– Для этого нужно сначала совершить государственный переворот фашистского типа... – причём возмущения или негодования в голосе президента не было. Так, размышление по поводу. Или – мысли вслух.

– На нашей планете это такая редкость последние пять тысяч лет?

– А как же с идеалами демократии? Собственно, только их защита и оправдывает существование Штатов все двести лет...

– Демократия! – презрительно выдохнул Лютенс. – Я последнее время много думаю о ней. То, что мы готовили в Москве, – это демократия? А то, что сейчас делают с вами в Америке? Какое это вообще имеет отношение к демократии? У нас что, как в Швейцарии или Исландии, проводят ежемесячные плебисциты по любому важному вопросу? Или вас выбрали свободные люди, свободно отдав за вас свои голоса, как за Эйба Линкольна в своё время? Я бы вам посоветовал хотя бы наедине с собой или с глазу на глаз между нами прекратить произносить апофатические²¹ речи... Демократия – это просто название того мироустройства, которое удобно власть имущим в данный момент. Поэтому толпе внушается представление об её абсолютной ценности. Ради такой «демократии» мы уничтожили много неудобных для нас способов правления, образов жизни и даже цивилизаций. Ну, так теперь давайте ради этой же демократии уничтожим её саму (как термин, разумеется, а в идеальном смысле пусть она где-то присутствует) и установим нечто, более нас устраивающее.

– Да вы философ, Лерой. И довольно радикальный...

– Как там у Ремарка? «Пессимистом становишься, когда размышляешь о жизни, а циником – когда видишь, что с ней делают другие». Или в этом роде, точнее не помню. Кроме того, господин президент, разве я сказал, что ВЫ отдадите приказ медиамагнатам? Его уже отдал кто-то другой...

– Красиво сказано, – это я о цитате из Ремарка. – И, как в большинстве случаев бывает с известными писателями, ради красного словца. Что же касается угрозы русских...

– Угрозы? – не понял Лютенс.

– Именно! Но мы всё время отвлекаемся. Что там с нашей прессой? Она уже забилась под диван от страха перед... Перед кем, Лерой? Давайте просто посмотрим.

---

²¹ Апофатический – метод в философии, заключающийся в использовании словесных значений, противоположных требуемым по смыслу. Ср. катафатический – метод постижения какого-либо явления путём перечисления характеризующих его признаков и свойств.

И они посмотрели. По той самой CNN как раз шло представительное ток-шоу, на котором **ОЧЕНЬ** значительные аналитики и политологи горячо обсуждали тупик, в который загоняют Америку такие жалкие, ничтожные личности, как «этот парень в Белом доме». Говорили настолько горячо и в то же время *доказательно* для среднего налогоплательщика, что Лютенсу стало не по себе. Он снова посмотрел на часы. «Солнечному затмению» пора бы и начаться.

Вдруг экран телевизора пошёл рябью, мигнул, вместо изображения появилась заставка, тут же исчезла и возникла голова дикторши, с несколько растерянным видом пролепетавшая:

– По техническим причинам наша передача прерывается. Окончание можно будет посмотреть в записи позднее или на нашем интернет-портале...

И тут же пошла реклама средства для чистки ванн и унитазов. Очень к месту и по теме.

Президент, торопливо нажимая танкету пульта, пробежался по всем принимаемым в Кэмп-Дэвиде эфирным и кабельным каналам. Потом они молча повернулись друг к другу. Президент с горестным недоумением в глазах, а Лютенс – со скрытым торжеством и одновременно с чувством облегчения. Такого действительно не могло быть, но тем не менее случилось. Окончательно доказывая, что мир перевернулся и никогда уже не будет прежним. А сам он вовремя успел поставить все свои фишки на «двойное зеро».

Внешне в телевизиорном мире всё обстояло, как обычно. Шли кинофильмы, старые и новые, всяческие ток-шоу, юмористические программы со смехом за кадром, вполне авторитетно доказывающие инопланетянам, если они смотрят земные программы, что говорящая на английском часть человечества давно и окончательно впала в радостное слабоумие и эту планету можно брать голыми руками.

Попадались и очень приличные программы вроде «Дискавери» и «Мира оружия», географические, из жизни животных, для садоводов и кролиководов, домохозяек и безработных, для евреев, белых протестантов и белых православных, для латиноамериканцев и афроамериканцев. Не было только ни слова о президенте Соединённых Штатов.

О нём и раньше сообщали не так уж часто, больше в новостных программах или политических обзорах, если имелся весомый повод. Но на фоне вакханалии последних дней, когда на экранах одинаково часто возникали русский и американский президенты, всё более и более демонизируемые, теперешняя пустота выглядела почти ирреально.

Пустоты в буквальном смысле, впрочем, не было. Новостей со всех концов мира хватало: и про исламских террористов, и про пожары в Австралии, про бои в секторе Газа, про засуху в Мали... А где свежего материала у редакторов под руками не оказалось, крутили повторы.

Обычный, среднестатистический зритель, скорее всего, ничего бы и не заметил, настроенный поглощать сиюминутные порции «пищи духовной» и мгновенно забывать виденное и слышанное вчера. Без такого свойства психики «хомо телевизионикус» существование этого жанра было бы попросту невозможно, иначе политикам и обозревателям приходилось бы всё время держать в уме то, что они говорили и обещали вчера, позавчера, неделю и месяц назад, и половине из указанных персон пришлось бы подавать в отставку, а второй половине – идти по миру...

Но ни Ойяма, ни Лютенс «среднестатистическими» не были и сразу осознали полную нереальность случившегося.

– Но как это возможно? – почти по-детски растерянно спросил президент.

– Очевидно, так, как я и сказал. У кого-то нашёлся способ объяснить тому (или тем), кто заправляет всем этим бедламом, что команду «Стоять, стрелять буду!» нужно исполнять мгновенно и не раздумывая.

– Но как? – снова повторил Ойяма. – Вы хотите сказать, что все американские средства массовой информации управляются из одного источника, как в самом тоталитарном государстве? – наивность пожилого уже человека и опытного политика привела Лютенса в умиление,

смешанное с неясной тревогой. Как же человеку со столь примитивно устроенными аналитическими структурами мозга можно вообще управлять чем-то, кроме электромобильчика на поле для гольфа?

– Мне кажется, сэр, дело обстоит ещё хуже. В тоталитарных государствах хотя бы известно, кто именно управляет и откуда, а мы с вами вдруг узнаём совершенно случайно, что в своей стране понятия не имеем, кто *командует парадом*...

– Подождите, Лерой, – отмахнулся Ойяма. Он снял трубку прямой связи с пресс-секретарём Госдепартамента, ещё одной «мисс», Бэкфайр, не такой отвратительной внешне и внутренне, как её начальница Блэкентон, своей улыбочкой и предупредительностью даже слегка симпатичная, но всё равно дура душой. Несмотря на свою фамилию²². Умный и честный человек на такой должности проработать больше суток не смог бы чисто физически.

– Добрый день, Лора, – президент постарался, чтобы голос звучал как можно более нейтрально. – Вы сегодня телевизор смотрели?

– Да, сэр, – с некоторой заминкой ответила она.

– И как ваши впечатления?

В трубке послышалось странное сопение. Нос у неё внезапно заложило, что ли?

– Ответьте мне, Лора. Не нужно пытаться одновременно включать скайп и мимикой и жестами объяснять мисс Блэкентон, с кем вы говорите. Я спрашиваю вас. Вы поняли?

Эту Лору приходилось постоянно переспрашивать, поняла ли она смысл получаемых указаний, и всё равно их для неё дублировали на бумаге восемнадцатым шрифтом, потому что она была дальнотворка, а очки надевать не желала из принципа. Ойяма такую и в горничные бы не взял, но выбирал и тут не он.

– Да, сэр, поняла.

– Что поняли?

– Мне не нужно сейчас разговаривать с леди Госсекретарём.

– Правильно. Разговаривайте только со мной. А она пусть слушает, если вы её уже соединили. Что вам показалось необычным в сегодняшнем эфире?

Длинная пауза. Потом Лора ответила:

– Только что внезапно по всем каналам перестали упоминать вас и ваше имя...

– Для вас я и моё имя – разные вещи?

Тишина, сопение в трубке.

– Ладно, это вопрос философский. Давайте проще. Перестали, но должны были. А вы все нужные материалы передали информагентствам? Вовремя?

– Да, сэр. Весь новостной блок подготовлен ещё вчера вечером... И пожелания по дальнейшему... Ой!

Очевидно, Блэкентон, наверняка слушавшая этот сюрреалистический разговор, показала сотруднице кулак. Или ещё что-то, похуже. Но едва ли к стулу пресс-секретарши был подведён электроток.

– Не стоит так беспокоиться, Лора. Вы всё сделали правильно и вовремя. От вас только это и требовалось. Теперь ответьте – вы уже озаботились узнать хотя бы в одной компании, почему материалы не поставлены в эфир вовремя. Почему прервались уже шедшие передачи?

– Да, я звонила в ... – Она назвала несколько наиболее крупных медиакорпораций с максимальным охватом аудитории по большинству штатов. – Со всеми имелись договорённости о сотрудничестве, планы публикаций, согласованы сетки вещания и всё, что положено...

– И что?

Каждый ответ из неё приходилось вытягивать буквально клещами, поскольку она и вообще была слабовата по части импровизаций в нестандартных ситуациях, а сейчас, с одной

---

²² Backfire (англ.) – один из вариантов: «встречный огонь», пал, который пускают навстречу лесному пожару.

стороны, её донимал президент (всё же – президент!), а с экрана ноутбука жестикулировала, закатывала глаза к небу, стучала пальцем по виску и вообще пыталась донести непонятные, наверное, ей самой указания непосредственная начальница. Фигура зловещая, способная уволить без объяснения причин и выходного пособия, и судись потом, не с ней, а со всем Госдепартаментом. Процесс века: «Бэкфайр против Соединённых Штатов»!

Видимо, пресс-секретарь выбрала самый простой вариант. Она положила трубку, чтобы потом сослаться на сбой в системе и спокойно выслушать инструкции Блэкентон.

Лютенс усмехнулся и указал президенту на соседний аппарат. Прямая защищённая связь с госсекретарём. Тут не отмажешься ссылками на неполадки. Если только просто трубку не возьмёт, имитируя своё отсутствие на месте, но такие вещи легко проверяются. Не вошёл же заговор в такую стадию, что государственные служащие, все, снизу доверху, уже начали полностью игнорировать своего президента. Но на такой случай тоже есть «кое-что с винтом», как говорят в России.

Госсекретарь трубку подняла. Тоже понимала, что не настало ещё время «бросать жребий и сжигать мосты». Хотя была очень близка к этому.

– Слушаю вас, господин президент...

Ойяма растянул губы в улыбке, которая наверняка показалась бы мисс Блэкентон очень неприятной, если бы она её увидела. Но включать видеосвязь президент не считал нужным.

– Это я готов вас выслушать. Что у вас пошло не так? И почему вы мне об этом не докладываете? Три дня ведь ещё не истекли...

– Я вас не понимаю, сэр.

– Не прикидывайтесь глупее, чем вы есть. Это уже будет перебор. Прощаясь, вы сказали: «у вас нет трёх дней», чтобы разобраться в обстановке и принять решение, как поступить с русскими. Названный срок прошёл, и я решил спросить: что вы имели в виду? Если превентивный ядерный удар со стороны Москвы – то почему мне об этом не доложила военная разведка? Если что-то внутривластное – то где директор ФБР и мисс Прайс, кстати? Может быть, вы скрываете от меня какую-нибудь особо конфиденциальную информацию о намерениях русских? Это – как минимум ошибка с вашей стороны.

Когда Блэкентон прошипела то ли угрозу, то ли намёк, Ойяма не стал вступать с ней в диалог, голова была занята другим. Но сейчас, после общения с Лютенсом и предъявленных им доказательств «открытой игры» со стороны русских, настроение у президента было совсем другое.

– Вы меня неправильно поняли. Я хотела сказать, что время не ждёт и любая задержка с самой решительной реакцией с нашей стороны может быть превратно истолкована противником. И не только противником. Конгресс и наши союзники в Европе будут разочарованы... А сейчас это крайне нежелательно.

– То есть и сейчас вы настаиваете, что я должен взять на себя всю полноту ответственности за развязывание как минимум очередного «карибского кризиса»? При том что русские, кроме наведения порядка у себя в столице и нескольких заявлений, требующих исключения «двойных стандартов» из наших отношений, никаких однозначно враждебных действий так и не предприняли...

– В этом и заключается их *агрессия*! Они сорвали демократическое волеизъявление своего народа, подавили силой оружия очередной порыв к свободе граждан крупнейшей мировой державы, а это неизбежно вызвало бы переформатирование международной обстановки в нашу пользу. Более того, их президент в ультимативной форме объявил, что больше не признаёт самих основ международного права...

– Международное право – это когда мы делаем, что хотим, а остальные – то, что мы им прикажем? – заинтересованным тоном, будто эта мысль только что пришла ему в голову и очень его удивила, спросил Ойяма. На самом деле он и сам считал, что дела должны обстоять

именно таким образом, и всякая попытка поставить этот постулат под сомнение – ересь не меньшая, чем 95 тезисов Мартина Лютера²³. Только у него хватало ума не начинать борьбу за заведомо проигранное дело, сколь бы справедливым оно ему ни казалось, а исходить из реальных обстоятельств и соотношения сил.

Кроме того, ему хотелось немедленно морально уничтожить мисс Блэкентон и всю её стаю. Физически бы тоже неплохо, но это уже задача второго порядка.

Госсекретарь издала сдавленное шипение. Она раньше президента догадалась, что обстоятельства изменились, но не могла найти в себе сил признать это и «сменить флаг». Хуже того – она не понимала, где, так сказать, «точка бифуркации». Вице-президент Келли, исполнявший роль «верховного координатора» их проекта, вдруг перестал отвечать на её прямые телефонные звонки, а когда она попробовала связаться с ним через помощника, получила ответ, что господин вице-президент «вне зоны доступа».

Это наводило на самые тревожные мысли. Плюс демарш *медиасообщества*. Никто не счёл нужным хотя бы поставить её в известность о причинах тщательно согласованной кампании.

И теперь до чрезвычайности самоуверенный тон основного *объекта акции*.

– Вы так и не доложили мне, что всё-таки случилось и почему без всякого предупреждения и согласования со мной вы взяли на себя ответственность за изменение нашей политики? – продолжал нажимать Ойяма. – Информационная кампания дезинформации (интересный вышел каламбур, отметил про себя президент) развивалась вполне успешно, и вдруг... Вы получили какие-то новые сведения о реакции мирового сообщества? Или решились на это, посоветовавшись в узком кругу? Такого стиля работы я одобрить не могу. Так объяснитесь же, наконец, дьявол вас раздери!

Ойяма придумал интересный ход, окончательно запутывающий мозги Блэкентон и тем, кто за ней стоял. Он никак не мог допустить, что сейчас «за него» вдруг начала играть та же сила, что позавчера была «против». Гораздо логичнее верить Лютенсу, что это его «друзья» каким-то образом надавили на неизвестный самому президенту «клан», сумевший тайно захватить контроль над **всей** американской прессой, радио и ТВ. Именно над всей, за исключением, может быть, мельчайших, действительно независимых (но не от «крутых парней» своего посёлка) FM-радиостанций и газетёнок с тиражом в сто экземпляров.

Поэтому он и давал понять госсекретарю, что с самого начала был в курсе «замысла», тот соответствовал его некоей многослойной интриге (японец же!), а сама она использовалась втёмную. Но теперь вот что-то поменялось, и её решили сделать виноватой. Повесить на неё всех собак, как говорится.

На такое фурия (а то и гарпия²⁴) американской дипломатии была категорически несогласна:

– Вот тут я, господин президент, совершенно ни при чём. Всё, что требовалось от моего ведомства, исполнялось точно и в срок. А отчего вдруг машина забуксовала – вопрос не ко мне. Я как раз немедленно связалась с господином Тафтом Хартли, как вы знаете, он контролирует большинство лояльных нам ресурсов, но его не оказалось на месте...

– Даже для вас? – не преминул воткнуть очередную шпильку Ойяма.

– Даже для меня. Его помощник, Джереми Свит, заявил, что шеф уехал на рыбалку, для него это святое с начала уик-энда, телефонная связь с ним в это время только односторонняя,

---

²³ Мартин Лютер – доктор богословия и монах-августинец, в 1517 г. опубликовал знаменитые 95 тезисов, отрицающих основные догматы католичества, в т.ч. существование чистилища, практику торговли индульгенциями, непогрешимость папы римского и т.д. Опубликование тезисов знаменует начало Реформации и раскол Западной Римской церкви на католическую и протестантскую.

²⁴ Гарпии – в греческой мифологии отвратительные полуженщины-полуптицы, клевавшие свои жертвы железными клювами и поливавшие зловонными испражнениями.

он не терпит, когда его отвлекают звонками. «Нет в мире таких новостей, которые не могут подождать, пока он ловит рыбу».

Лютенс опять фыркнул. Он знал эту фразу, и не Хартли её придумал²⁵. Наверняка подсказал кто-то из русских. Да, у них действительно «всё схвачено».

– А что касается изменения информационной политики, то секретарь сказал, что мистер Хартли приказал циркулярно всем своим изданиям немедленно свернуть «это дело». Он, дескать, в таком уже возрасте, что нужно о Боге думать и внуков воспитывать, а не втягивать мир в очередной виток войн и революций... Что касается денег, то они ему уже давно не нужны, жаль, что слишком поздно он это сообразил. Достроить дворец и сад из «Тысячи и одной ночи» в Калифорнии ему хватит, хватило бы времени...

– Вот как! Очень интересно, – протянул Ойяма. Ему и вправду было интересно, какие доводы нашлись у русских, чтобы буквально за несколько часов *перевоспитать* старика Хартли, человека желчного и неуступчивого настолько, что любой осёл или мул по сравнению с ним показался бы образцом толерантности и послушания. Он пережил девять президентов, и с любым из них разговаривал, как южанин-плантатор, не с рабами, конечно, но примерно как с надсмотрщиками на своих плантациях. А ведь кроме Хартли есть и ещё фигуры, калибром поменьше, но тоже цепко держащие свой *сегмент*. И если они вначале согласились делать одно дело со своим давним конкурентом, а потом так же дружно, тоже синхронно с ним, свернули программу...

На самом деле русские тут были совершенно ни при чём. Медиамагнату очень рано (не было ещё и пяти утра, но «капо ди капи»²⁶ на такие пустяки внимания никогда не обращал) позвонил Сарториус и не терпящим не только возражений, но и вопросов тоном распорядился тему дискредитации американского и русского президентов, вообще взаимоотношений двух стран временно вычеркнуть не только из программ, но и из памяти главных и просто редакторов. Переключиться на проблемы внутриамериканские, Африки и Латинской Америки. Вплотную заняться популяризацией Доктрины Монро²⁷, которая не только молодёжью, а всеми ныне живущими американцами основательно подзабылась. Когда же Хартли по привычке всё же начал задавать *посторонние вопросы*, Сарториус без всякого пиетета перед личностью и авторитетом собеседника впрямую намекнул, что мир полон случайностей, и привёл в пример всем известного Джека Лондона, строившего себе в начале XX века громадный «Дом волка» неподалёку от владений самого Хартли.

Писатель и левый журналист не внял вовремя намёкам владельцев Сан-Францисского порта, что лучше бы писателю продолжать свои увлекательные романы о золотоискателях Аляски и туземцах южных морей, чем лезть в совсем его не касающиеся профсоюзные дела. И как-то так совпало, что после очередного предупреждения в дом попала молния, и он сгорел дотла, всего за неделю до того, как хозяин собрался туда переселяться. До сих пор в поместье Глен-Эллен высятся краснокирпичные закопченные стены и тянутся к небу трубы 18 каминов, внутри которых так и не загорелся огонь. Только снаружи.

Тафт Хартли строил свой сказочный дворец уже почти полвека на вершине горы над шоссе Лос-Анджелес – Сан-Франциско, идущим по кромке океана, и назвал его по-испански «La Cuesta Encantada» – «Чарующая высота». Неизвестно, сколько сотен миллионов, а скорее,

---

²⁵ Лютенс имеет в виду приписываемый Александру Третьему афоризм: «Европа может подождать, пока русский царь ловит рыбу».

²⁶ «Главарь над всеми главарями» (*сицил.*).

²⁷ Доктрина Монро – внешнеполитическая программа правительства САСШ, провозглашённая в 1823 г. в послании президента Дж. Монро Конгрессу. Декларировался принцип взаимного невмешательства стран Америки и Европы во внутренние дела друг друга. Подлинный смысл доктрины – «Америка для американцев», исключающий прежде всего влияние Испании и иных европейских держав на вновь образуемые латиноамериканские государства, которые САСШ рассматривал как своих будущих сателлитов и «полуколоний», полностью подчинённые диктату «гринго».

много миллиардов вложил магнат в это сооружение, приснившееся ему во сне в двадцатилетнем возрасте. Увидел, восхитился, задумался и начал строить. Из Европы вывозились купленные на корню и разобранные на пронумерованные кирпичи средневековые монастыри и замки со всей обстановкой; так же поступали с мавританскими дворцами и мечетями с минаретами стран Магриба. Римские статуи, фонтаны и термы воспроизводились один к одному с оригиналов или описаний. И всё это компилировалось на одной территории, в единый комплекс, да ещё с ощутимым влиянием собственных фантазий и предпочтений целой группы талантливых, но иногда «с приветом» дизайнеров.

Получалось нечто до ужаса эклектичное, но одновременно и чарующее соединением несоединимого. Все склоны и вершина горы покрывали дендропарки и вольеры с дикими животными пяти континентов. Доходчиво описать это невозможно, нужно хотя бы один раз увидеть. Но мало кому удавалось посетить 200 гектаров земного рая, 5 рыцарских башен, 7 минаретов, 156 комнат и залов, 6 бассейнов, 60 туалетов, 78 спален и много, много чего ещё...

И вот об этой прелести, достроить до идеала которую не хватало всего лишь десятка лет, которые Хартли был намерен прожить во что бы то ни стало, Сарториус отозвался более чем пренебрежительно и намекнул... Даже вообразить этот ужас был не в силах «владелец заводов, газет, пароходов». А что привести свою угрозу в исполнение таинственный и страшный человек был в состоянии одним движением бровей, Хартли нисколько не сомневался. «Против молодца – сам овца».

Поэтому, приняв прописанные для экстренных сердечных спазмов таблетки, Хартли за полчаса отдал необходимые распоряжения поднятым по тревоге 10 секретарям и 17 референтам, после чего отбыл на рыбалку в открытое море. А уже порученцы принялись за дело с обычным для них жаром. Каждый отвечал за свой участок головой и очень хотел её сохранить.

Аналогичные команды получила вся *линейка* магнатов меньшего калибра. А уже владельцы и редакторы в какой-то мере «независимых» изданий, услышав о «финте Хартли», сообразили, куда дует ветер. Вот и вся загадка.

– Такое изменение позиции мистера Хартли вас ни на какие мысли не наводит? – вкрадчиво осведомился Ойяма. – Остальные массмедиа, я так понимаю, совершенно добровольно последовали его примеру?

– Очевидно, так... Зато видели бы вы, что сейчас творится в Интернете...

– Мне это неинтересно. К Интернету я вообще не очень хорошо отношусь, а уж сейчас – особенно. Я думаю, найдётся кому обратить внимание на поведение провайдеров и блогеров, представляющих собой нечто значимое. А в остальном – у нас ведь демократия, не правда ли? Поэтому в рамках лучшей в мире американской демократии, которая отнюдь не равнозначна анархии, я прошу вас немедленно заняться своими непосредственными служебными обязанностями, пока тоже не появилось непреодолимого желания посвятить уик-энд рыбалке. Или чем вы там увлекаетесь?

Например, неплохо бы для начала позвонить своему коллеге, русскому министру иностранных дел, и объяснить, что публикации в прессе и выступления отдельных конгрессменов и сенаторов не имеют никакого отношения к взвешенной американской внешней политике. Что правительство США расценивает последние московские события как исключительно внутреннее дело Российской Федерации и выражает удовлетворение быстрым и вполне соответствующим требованию момента наведением порядка.

Таковыми именно словами всё изложите. От себя можете добавить, что находите нужным, но не выходящее за рамки сути моего тезиса. И ещё – я надеюсь, что с этого момента вы полностью сосредоточитесь на том, что наши предшественники называли «разрядкой международной напряжённости». В ином качестве вы мне не нужны.

Ойяма аккуратно положил трубку на рычаги (аппарат был нарочито старомодный, повторяющий дизайн ранних тридцатых годов), даже не попрощавшись.

– Отлично провели партию, сэр, – не скрывая восхищения, сказал Лютенс. Он до последнего боялся, что Ойяма дрогнет, начнёт юлить и маневрировать перед агрессивностью своей *ближайшей помощницы*. А «самурай» проявил даже больше жёсткости, чем Лерой надеялся.

Президент приложил правую ладонь к сердцу и слегка поклонился.

– Простите, сэр, – поспешил извиниться Лютенс. Его ли дело – оценки главе сильнейшего государства мира давать? – Но держались вы действительно великолепно. Я представил себя на месте «простого американца», которому вы и служите, и подумал: «Да, именно такой президент и нужен сейчас Америке!» А что касается некоторой доли несогласных... Думаю, большинство из них поведёт себя подобно мистеру Хартли. Это наиболее разумные. А для остальных как раз и существуют наши многочисленные *демократические учреждения*. От финансовой полиции до Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Последние 25 лет о ней как-то подзабыли. Но она ведь существует, люди получают зарплату и чем-то, наверное, занимаются? Если вы не против, я бы мог взять на себя задачу максимальной активизации её деятельности.

– Займитесь, Лерой, займитесь. Это очень интересная мысль. Свежий, так сказать, взгляд на проблему...

– Немедленно. Только вы отдайте приказ Брэкетту, чтобы прекратил считать меня «подозрительным объектом». Мы с ним равны по воинскому званию, пусть поймёт, что равны и по положению. Просто каждый в своей отрасли. И мне нужен телефон. Требуется связаться...

– С кем? – насторожился Ойяма.

– Всего лишь с сотрудниками американского отделения «Института паранормальных явлений»...

– Русскими агентами, проще говоря?

– Не знаю, чьи они агенты – русских, Бога или Сатаны. Но в данный момент эти люди располагают не доступной никому больше информацией и умеют влиять на текущую действительность... Я бы сам никогда в это не поверил, но вы только что имели возможность убедиться. Мисс Блэкентон изменилась, не правда ли?

Ойяма потёр пальцами подбородок, после чего рука сама потянулась к коробке с сигарами. Так часто курить вредно, он это понимал, но что поделаешь – осязательные ощущения от тугого, шершавого свёртка табачных листьев между пальцами и ароматного, горьковатого дыма во рту ускоряли мысль и помогали сохранять душевное равновесие. Лиши его этого сейчас – и он просто не сможет думать так, как требуют обстоятельства.

– У неё нечеловеческое чутьё, – задумчиво сказал президент. – Именно – нечеловеческое...

– Простите, но, пожалуй, вам сейчас, не теряя времени или, точнее – темпа, нужно переговорить с советником по национальной безопасности, директорами ФБР, ЦРУ и АНБ. Не вступая в какие-либо дискуссии, поставить непосредственные задачи на сегодняшний день. Обстановку обрисуете сами, а им поручите принять все меры к недопущению массовых беспорядков, прежде всего в столице, исключить возможность несанкционированных заседаний Конгресса и Сената, просто не дать им возможности собраться «в числе более восьми человек».

– А почему именно восьми? – удивился президент.

– Не знаю. Вспомнилась статья из российского, ещё царского времени, «Уложения о наказаниях». Там везде присутствует эта сакральная цифра. Любые беспорядки, устроенные восьмью и менее единомышленниками, – это просто беспорядки, произошедшие, возможно, случайно и без злого умысла. А больше восьми – уже бунт, мятеж, революция...

– Чуть какая-то, – недоумённо поднял брови Ойяма. – Вечно эти славяне придумывают не пойми чего...

– Да едва ли славяне. Ещё древние философы, не то Зенон, не то Сократ, задавались вопросом, с какого количества зёрен начинается куча? И не могли дать ответа. Эта апория

даже во все учебники вошла. А неизвестный русский законник взял и установил: «С восьми!» И попробуйте с ним поспорить...

– Достаточно, – махнул рукой президент.

– А начальнику военно-морской разведки и председателю комитета начальников штабов прикажите поднять по тревоге и иметь под руками, в их личном распоряжении, хотя бы несколько полностью боеготовых рот, а лучше батальонов. На всякий случай...

Лютенс распоряжался, а Ойяма только кивал, будто так и надо.

– Я сейчас попробую связаться и договориться о встрече с этими сумасшедшими учёными или колдунами, не знаю, что правильнее, и буду постоянно держать вас в курсе дела. Смелее, сэр, возможно именно сейчас мы с вами поворачиваем руль истории, как ни напыщенно это звучит. Если всё удастся, с завтрашнего утра мир не будет прежним. Извините, если в чём-то превысил свои полномочия и вторгся в область ваших прерогатив...

– Ничего, Лерой. В такие моменты не до субординации. Но вы уверены, что мы поступаем правильно? Всё же это очень отдаёт государственным переворотом... Традиции американской демократии...

– *Salus populi suprema lex esto!*²⁸ – торжественно, будто вообразив себя римским трибуном, провозгласил Лютенс. – Я не думаю, что новая мировая война такое уж благо для американского и всех прочих народов в сравнении с некоторой корректировкой утративших сейчас подлинный смысл понятий двухсотлетней давности.

Паттерсон с Келли, немного увлекшись, перевалили уже за половину графина. Виски действительно было неплохим, а тема разговора – настолько заумной и, попросту говоря, опасной, что оба высоких должностных лица дружно согласились бы с точностью русского присловья: «Тут без поллитры не разберёшься». Если бы его знали. Но, и не зная, пришли к аналогичной мысли инстинктивно.

Вице-президент, раскрасневшийся и распутивший узел галстука, стараясь не выходить за рамки подробностей совсем уже секретных и, безусловно, не называя имён, растолковывал генералу систему управления Соединёнными Штатами, сложившуюся на текущий момент. Как сам её представлял. Представлял достаточно верно, но в самых общих чертах, поскольку и ему никто не сообщал значимых подробностей.

Для него, например, мистер Сарториус был тоже неким передаточным звеном между официальными властями страны и группой анонимных «акционеров», владеющих *всеобщим* контрольным пакетом, выражаясь в терминах Марксова «Капитала» – «Треста трестов»²⁹. То есть для него оставалось неизвестным, что «Система» работает не только в пространстве – финансовом, политическом и географическом, но и во времени тоже. Более того – между временами. Аналогично «Хантер-клубу», где умершие полтора столетия назад члены имеют право решающего голоса и участвуют в моделировании и формировании будущего. И наоборот, естественно.

Но и того, что рассказал Келли, для генерала было откровением. Он всю жизнь мыслил категориями, расположенными как минимум двумя уровнями ниже. В понятных ему терминах – как штаб батальона или бригады воспринимал решения штабов корпуса или армии. Их воля, воплощённая в боевом приказе, не обсуждаема и священна, а ход мысли вышестоящего оператора, составившего этот приказ, доступен лишь «в части, непосредственно касающейся». Иначе успешно служить просто невозможно.

---

²⁸ Благо народа пусть будет высшим законом! (*лат.*)

²⁹ Трест – одна из форм экономических объединений, в рамках которой участники теряют производственную, коммерческую и юридическую самостоятельность. Реальная власть в тресте сосредотачивается в руках правления или совета директоров. Соответственно «трест трестов» – такая структура, где любое количество высших экономических объединений «первого порядка» оказывается лишённым самостоятельности и подчиняется некоему центру, часто – анонимному.

Сейчас же Келли приоткрывал ему тайны именно «корпусного или армейского звена», в масштабе которых и власть командира батальона, непрекаемая для солдат и офицеров, ничтожна, и реальная роль этого же батальона на генеральной стратегической карте – в лупу не разглядишь. Хотя, конечно, без согласного действия множества таких батальонов и рот любая, самая гениальная операция потерпит крах, едва начавшись.

Сначала, в процессе ещё трёх или четырёх глотков, Паттерсон всё сказанное вице-президентом осмысливал, а потом начал задавать вопросы, иногда наивные, а иногда бьющие в самую точку, как раз в те детали, которых с «горних высот» не видно. Это в Российской армии в служебное время даже за лёгкий алкогольный запах можно поплатиться очень жестоко, а в американской вести заседание военного совета или командовать боем, то и дело прикладываясь к фляжке, – вполне нормальное дело. В последнее время «общественность» стала обращать на взаимоотношения должностных лиц с алкоголем чуть больше внимания, но – за счёт повышения толерантности к наркотикам. Трудно сказать, что лучше.

– Сложность в том, дорогой Дональд, что у меня в распоряжении практически нет подразделений или соединений «постоянной готовности», как называется это у русских. Те, что есть, – далеко отсюда, и их очень мало. А те, что близко... – Генерал обречённо махнул рукой.

– Разве кто-нибудь собирается воевать? На всякий случай вывести на улицы Вашингтона два десятка бронетранспортёров, набитых вооружёнными парнями. Стрелять им в любом варианте не придётся. Просто обозначить, что сила – у нас. А махать дубинками и стрелять патронами с перечным газом умеют полиция и национальная гвардия...

– Так-то оно так, – начал Паттерсон, и тут в кармане его рубашки особым образом, сразу обозначающим вызывающего, загудел телефон.

– Президент, – почему-то шёпотом сказал генерал и поднял палец к потолку.

Глава четырнадцатая

– Мне кажется, что ситуация созрела до нужной кондиции, – сказал Шульгин после того, как Сарториус, заглядывая в предложенные ему конспекты, переговорил с десятком своих *клиентов* и *контрагентов*. – Похоже, как мы с РСФСР и Югославией тогда вопрос решили. И сейчас есть ощутимый шанс, что без чрезмерных мировых потрясений американцы сами всё у себя сделают. Причём так, что подавляющее большинство из них будет довольно случившимися переменами. «Отнять и поделить» – это мощный лозунг. Мобилизующий. Если до крайности не доводить, конечно. Получив солидную прибавку к доходам и увидев, как правительство о народе заботится, означенный народ непременно в умиление придёт. За исключением законченных паразитов, разумеется. Да и тех к делу пристроить можно будет, опять же, если народ этого захочет... Машинка запущена, пусть работает. Если там найдутся несогласные и с твоими ребятами вендетту затеют – «делу мира и социализма» только на пользу.

– Вы что, на самом деле социализм в мировом масштабе возрождать решили? – очень сильно удивился Сарториус. Пока что из тех разрозненных фрагментов мозаики, которыми являлись только что отданные распоряжения и указания, никак не вырисовывалась для него общая картина. А картина, судя по всему, намечалась монументальная, грандиозная даже. Так выходило, когда своим изощрённым умом *пантократора*³⁰, каковым Магнус Теофил считал себя «на полном серьёзе», он пытался экстраполировать последствия того, что начали реализовывать его теперь уже *партнёры*.

Применительно к Новикову и Шульгину термин этот казался ему вполне подходящим. Как бы могущественны ни были люди, сумевшие без видимых усилий согнуть его «в бараний рог» и «заставить плясать под свою дудку», Сарториус был уверен – править миром без его солидарного и равноправного участия они не смогут. Слишком много его элементов, находящихся в неустойчивом динамическом равновесии, необходимо постоянно учитывать, слишком много будет постоянно возникать новых коллизий, с которыми человек, не знающий конструкции десятилетиями сплетаемой трёхмерной паутины, не справится. Не справится просто от нехватки турбулентной, многогранной информации, сколь бы выдающимися *общими* способностями он ни обладал.

Так, самый лучший пилот неминуемо разобьётся, если вдруг в ночном полёте отключатся все системы управления и контроля. Какое-то время ещё будет сохраняться состояние «равномерного и прямолинейного движения», но первое же изменение любого из тысяч возможных внешних воздействий неминуемо вызовет катастрофу, более или менее растянутую по времени.

И Сарториус при всём желании или под какими угодно пытками не сможет передать новым *хозяевам положения* все свои бесчисленные связи со множеством людей, знание их сильных сторон и слабостей, научить способам эффективного воздействия на каждого, а главное – поделиться способностью безукоризненно точной реакции на хаотическое, *броуновское* движение миллионов пар «причина – следствие», из которых, как и из атомов и молекул, состоит весь реально существующий и *воображаемый* мир. Воображаемый до тех пор, пока одно из воздействий не переведёт некую *возможность* в реальность, превратив тем самым сколько-то не менее *перспективных* реальностей в неосуществившиеся, а значит, как бы и иллюзорные варианты.

Подобными умствованиями Сарториус занимался всегда, сколько себя помнил, и очень рано научился какую-то часть своих *эманаций разума* переводить в плоскость принятия и осу-

---

³⁰ Пантократор – дословно «всевластитель». Обычно так называется иконографическое изображение Христа, как Небесного Царя и Судии, но Сарториус применительно к себе подразумевал земную трактовку этого термина.

ществления *решений*, а большую – сохранять в качестве питательного субстрата³¹ для последующих идей и свершений.

Похоже, что хотя бы на данном этапе Новиков и Шульгин априори придерживались такого же мнения. Им собственными средствами, даже с помощью Шаров и Арчибальда, элементарно не хватит времени, чтобы найти и перехватить все системы управления и каналы связи, которыми легко и свободно манипулирует Сарториус.

Так же Новиков не смог бы почти полгода руководить СССР в самые тяжёлые предвоенные и первые военные дни, если бы не имел в распоряжении всю полноту памяти и личных способностей Сталина.

Но признавать их нынешнюю взаимозависимость с пауком-магнатом Сарториусом «братья» отнюдь не собирались. Много чести. Более чем на шаг-другой ему «план боя» раскрывать необязательно.

– Что мы решили, а к чему только присматриваемся – это сейчас вам знать совершенно ни к чему, – ответил Новиков. – Умножая знания – умножаешь скорби. А также свою от них зависимость. «Социализм» же в данном случае всего лишь фигура речи. Был такой международный журнал лет 30 назад – «Проблемы мира и социализма». Да вы, наверное, помните. Довольно интересный. Так мы пока только первой частью этой формулы заняться намерены. По каковой причине вас сейчас покинем. Обещаю, что ненадолго. А если вам вскоре звонить начнут те, у кого доступ есть, с информацией о текущем моменте, кляузами друг на друга, вопросами, предложениями и претензиями – выслушивайте в присутствии Арчибальда, пристойным способом обещаю принять решение и в нужный момент дать необходимые «ценные указания». Не мне вас учить. А «указания» подскажет мистер Боулнойз. В случае затруднения доложит нам, а мы уже определимся и спустим директивы. Доходчиво?

– Вполне. Только... – Сарториус замялся.

– Ты снова о своём здоровье? – усмехнулся Шульгин. – Помирать экстренно расхотелось? Не переживай... – Он снова пристегнул на руку «властелина мира» браслет. Показал на слегка расширившийся за последние часы зелёный сектор. – Видишь? Динамика положительная. Организму дан позитивный толчок, и он, избавившись от патогенных факторов, мобилизует имеющиеся ресурсы. В ближайший месяц точно не умрёшь и даже бодрее себя почувствуешь. Аппетит, предупреждаю, резко повысится. Моментами – до неприличия. Надо же потери массы и энергии возмещать. А через сколько-то времени повторим. В зависимости от результатов текущей деятельности. Публике вроде тебя поводок слишком отпускать нельзя, сразу в голову дурацкие идеи приходить станут. Проверено.

– Чтобы не скучали здесь – получи́те *задание на дом*, – сменил тему Новиков. – Вместе с Арчибальдом нарисуйте нам несколько динамических карт мировой экономики. У него образование вполне подходящее, и все справочные материалы в голове. Рассчитайте, исходя вот из этих соображений, – протянул Сарториусу лист бумаги. – Каким образом без катастрофических последствий, но быстро и крайне решительно следует начать переход к реальной, согласующейся с Марксом схеме. «Количество бумажных денег в обращении равняется сумме стоимости имеющихся товаров и услуг, делённой на скорость оборота платёжной единицы». Так, кажется? Я политэкономия давно сдавал, но кое-что помню. То есть экономика должна быть в обозримое время приведена к состоянию равновесия. С чётким разделением на наличные и безналичные, «инвестиционные» деньги и последующим переходом на всемирный золотой стандарт... Чтобы, значит, никаких больше долларов, фунтов и прочих деривативов...

Разумеется, при этом полностью исключить, с использованием ваших и наших возможностей, межгосударственные вооружённые конфликты *высокой интенсивности*. Гражданские

³¹ Субстрат в философии – общая основа многообразных явлений, общности и сходства неоднородных понятий. В биологии – питательный слой, вещество, на котором обитают животные, растения, микроорганизмы.

беспорядки при этом, – Сарториусу показалось, что Новиков ему слегка подмигнул, возможно, намекая на известные события трёхлетней, кажется, давности³², – следует пресекать со всей решительностью. Не останавливаться перед *изъятием из обращения* единиц ради блага миллионов.

– Ваша идея в принципе не слишком расходится с моими долгосрочными проектами, – кивнул Сарториус, ободрённый диагнозом и прогнозом в части собственного здоровья. – Я тоже предполагал в ближайшее десятилетие перестройку мировой экономики с выходом на уровень практически простого воспроизводства. Вплоть до перехода большинства стран и *территорий* к почти полностью натуральному хозяйству. При этом управляемость мира повышается до бесконечности. Сугубая монетарность обращения, кредиты только под залог реальных ценностей...

– Или – фунт собственного мяса, – вставил Новиков.

– Что? Ах да, Шекспир, «Венецианский купец»... Там, кстати, Шейлок прогорел на том, что не учёл ограничительного параметра – при изъятии мяса не пролить ни капли крови и взять ровно фунт, не больше и не меньше. Ваши условия похожи...

– Отчего же? Мы таких ограничений не ставим. Если десяток-другой миллионов офисных сидельцев вынуждены будут заняться производительным трудом – это не катастрофа...

– Вы очень недооцениваете грандиозность потрясений, что ждут человечество, – вздохнул Сарториус. – Это будет ненамного легче новой мировой войны...

– Удивительная заботливость. Вы всю жизнь были таким альтруистом или стали им только сейчас? – заинтересованно спросил Новиков. – Не помню, кто сказал: «Мы начинаем раздавать добрые советы, когда теряем способность подавать дурные примеры». Помнится, всего неделю назад вы старательно *споспешествовали* возникновению третьей мировой войны... Она как способ решения *ваших проблем* не вызвала столь острой реакции отторжения? Наверное, потому, что расплачиваться сейчас придётся вам и всему вашему *классу*, в марксовском опять же смысле...

– Вы, оказывается, ничего не поняли, – с осторожным торжеством в голосе ответил Сарториус. – О мировой войне речи не шло. Это могло показаться только со стороны, при беглом взгляде. Идея состояла в том, чтобы с минимальными потерями сменить власть, а потом и государственное устройство как в России, так и в США. В два этапа. А уже потом... Кстати, «Мой класс», как вы выразились, в целом как раз потеряет гораздо меньше прочих, *живущих собственным трудом*. – Сарториус явно вступил на привычную стезю. – Он, конечно, значительно сократится в размерах, но какое дело коралловому рифу в целом, – он указал рукой на океан, где многокилометровая дуга прибойной пены обозначала границы рифа, – до потери какой угодно своей части... Пятнадцать миль он длиной или две – это всё тот же дезинтегрированный надорганизм. Для уцелевшей части ничего не изменится. Велика ли беда – потерять четыре дворца из семи и девять миллиардов из двенадцати. Сохранив остальное не в сомнительных бумажках и реальной *звонкой монете*. Это ведь далеко не то же самое, что лишиться возможности обедать каждый день в привычном ресторане или кафе и перейти на благотворительную похлёбку.

– Сравнения у вас чересчур книжные, *господин бывший триллиардер*. – Андрей постарался вложить в голос максимум язвительности. – И вы просто пока не осознали степень своего падения. Жить на жалованье, пусть и достаточно большое, – совсем не то, что повелевать царствами... Не задумывались, почему во времена Великой депрессии разорившиеся бизнесмены, ещё не успев узнать вкуса той похлёбки, что вы упомянули, тысячами выбрасывались из окон небоскрёбов или кончали с собой иным способом? А вот рабочие, уволенные с заводов Форда,

³² См. роман «Хлопок одной ладонью».

спокойно отправлялись строить автостраду через Долину смерти, на рузвельтовское пособие, ухитряясь при этом радоваться жизни доступными им способами?

Сарториус задумался. И, очевидно, плодотворно, поскольку заметно погрузнел.

– В общем, как поётся в «Интернационале», – добил его Шульгин, – владыкой мира будет труд! Неважно какой, но всё же труд, а не надувание финансовых пузырей. Ох, предвижу я весёлые времена. Так что не скучай, бывший горский князь, а ныне трудящийся Востока. Распишите с Арчибальдом всё, как надо. Чтоб и овцы сыты, и волки целы. Если получится.

Отозвав в сторону Арчибальда и коротко с ним переговорив о чём-то наедине, Шульгин приглашающе махнул рукой Новикову.

– Сейчас без Левашова и Воронцова обойдёмся, – сказал он, с некоторой как бы печалью осматривая вершину острова со всеми строениями и безбрежность океана и неба за парашютом. Как будто бы ему вдруг захотелось задержаться здесь на неопределённый срок, отстранившись от нестихающего потока мировых и личных проблем. – Воспользуемся любезностью Замка, его методики, говорят, стопроцентно надёжны и мировой континуум не сотрясают, поскольку не имеют к нему никакого отношения...

По подсчётам Новикова, предлагаемый Замком в лице Арчибальда вариант пространственно-временных перемещений был вроде бы четвёртый – кроме левашовского СПВ, аггрианского блок-универсала и вылетов в астрал по методике Константина Васильевича Удолина.

То, что изобрёл Маштаков, скорее всего являлось неким вариантом одного из трёх первых способов, но могло оказаться и чем-то совершенно оригинальным. Ни времени, ни образования на то, чтобы вникать в подобные тонкости, у Андрея всегда не хватало. Но то, что по технологии Маштакова удавалось попасть не просто в ближайшую параллель, а именно в «боковое время», наводило на размышления.

– А зачем нам сейчас в Замок? – спросил Новиков. – Вроде бы у нас были несколько другие планы.

– Посоветоваться надо...

Ясно, с кем посоветоваться. Андрей спорить не стал. У Замка с Шульгиным сложились в некотором смысле гораздо более «близкие» отношения, чем с остальными и даже Воронцовым, первооткрывателем. То ли Александр сумел одной из созданных мыслеформ войти в резонанс с какими-то составными частями личности Замка, то ли, наоборот, – во время нескольких реинкарнаций, пережитых Шульгиным, его «молекулярная копия», случайно или запланированно, приобрела некоторые несвойственные человеку, но имманентные³³ одной из сущностей Замка черты.

– Ну, надо так надо...

Переход в сферу действия Замка, хоть с помощью Антона, хоть «по-удолински», через астрал, происходил без всяких эффектов, театральных или физических. Просто в момент одного из движений век, пресловутый «миг» – реальность вокруг менялась, как кадр на киноэкране. Моргнул – и вокруг уже не островной сад Сарториуса, а один из каменных крепостных дворики, неотличимо похожий на те, где друзьям доводилось бывать не один раз.

Опять здесь, как накануне отплытия «Валгаллы», – щемяще прекрасное «индейское лето». Густо-синее, но одновременно и чуть выцветшее небо. Почти неподвижный, чистый и прозрачный во всех смыслах воздух, с неуловимым холодком, будто принесённым с Севера, где уже выпал снег. Истёртые, словно по ним действительно ходили сотни лет тысячи людей, большие плиты белого камня, выстилающие двор, усыпаны жёлтыми с красной изнанкой листьями канадского клёна.

---

³³ Имманентный (от лат. *immanens* – свойственный) – нечто внутренне присущее какому-либо предмету, явлению, процессу. Противоположность И. – трансцендентный.

И тишина – глубокая, почти невозможная во «внешнем мире», но живая, не пугающая, как в затхлом воздухе бетонного бункера, а, наоборот, умиротворяющая. Такая, что в самый раз, усевшись на грубо вытесанную каменную скамейку, отдаться неконтролируемому полёту воображения и эмоций, вдыхать этот воздух и ждать, когда ветерок, пробравшись между зубцов высоких стен, шевельнёт сухие листья и они с шуршанием поползут, опираясь на свои пятипалые кончики. Пока не упрутся в основание сложенной из гранитных блоков стены и замрут там. А к ним будут присоединяться всё новые и новые, и за недолгое время наберётся их целая куча. И тогда её можно будет поджечь, чтобы насладиться непередаваемым запахом осени. Как в далёком-далёком детстве.

– Опять мы одни тут, на миллионы лет и миллионы километров вокруг, – со странной интонацией сказал Шульгин.

– В первый раз, что ли? – пожал плечами Новиков. – Пришли – ушли, когда по своей воле, когда по чужой. *Советоваться* где собираешься? В твоём баре или...

– Да ты не торопись. Дай в настроение прийти. Воздухом подышать. Хорошо тут, спокойно. Покурим без спешки. Можно на берег океана прогуляться. Здесь поблизости я в тот раз «Виллис» оставил. Интересно, цел ли?

– А куда денется?

В ответ на риторический вопрос Сашка только пожал плечами. Может, стоит, где стоял, с ещё тёплым после поездки мотором. А то – растворился, как исчерпавшая свою функцию иллюзия.

– Теперь у нас времени много, *бесконечно* много, – продолжил он прошлую фразу. – И, дай Бог, – в нашу пользу. Когда захотим, тогда и вернёмся...

Что-то в интонациях Шульгина показалось Андрею странным. Он будто бы не своей волей говорил, а транслировал чужие слова, спокойно и равнодушно, при том что мимика оставалась прежней, живой. В небо Сашка смотрел с интересом, доступные взгляду закоулки Замка, лестницы, переходы и балкончики осматривал профессионально, будто искал признаки засады или просто чужого здесь пребывания.

Что-то эта метаморфоза наверняка значила, как и достаточно внезапное Сашкино предложение переместиться с острова Сарториуса сюда. Попутно мелькнула мысль, неуместная сейчас, пожалуй: «А есть ли у того острова собственное имя, зафиксированное в логиях или хотя бы присвоенное нынешним хозяином, или так он и остаётся Островом? Так же как Замок – Заком, без дополнительных обозначений».

– У тебя с головой и нервами всё в порядке? – без околичностей спросил Новиков. Это в книжках и кино любят по каждому пустяковому поводу разводить массу догадок и домыслов, часто выливающихся в полноценную мелодраму, в то время как достаточно было бы просто задать прямой вопрос. Намного бы проще стала жизнь персонажей, но гораздо беднее – кино и литература. Пьеса «Отелло» из трагедии превратилась бы в бытовую драму, а то и фарс, вроде «Двенадцатой ночи».

– Почему вдруг спрашиваешь? – повернулся к Андрею Шульгин. Они настолько давно и хорошо знали друг друга, что обычно понимали настроения и состояния без лишних слов, уточняя лишь некоторые, внезапно возникшие обстоятельства. Или – если существенное значение вдруг приобретали события, случившиеся с одним из них в другое время и в другом месте.

– Выглядишь несколько не от мира сего. Говоришь не с теми интонациями. Или думаешь о чём-то сильно постороннем, или...

– Или я – это вдруг снова не я? Ну, не совсем я. Так подумал?

– В этом роде. Вдруг Замок опять взял управление на себя...

– Это – вряд ли. Хотя ничего утверждать не берусь. На этих *уровнях естества* может происходить всё что угодно, и мы никогда ничего не заметим, если нам не разрешат специ-

ально. Как внутри Ловушки. Превратись мы сейчас в головоногих моллюсков – и без разницы. Так и будем на дне морском сидеть, или плавать, обмениваться информацией доступными нам способами, считая, что всё идёт самым естественным образом...

– Нет, тебя точно в дебри чёрной меланхолии потянуло. Так ведь раньше у вас депрессивная фаза циклотимии называлась? – уточнил Новиков, имея в виду основную (или первую) профессию друга.

– Не в меланхолии дело. Просто вот вернулись сюда, и как-то сразу прежнее настроение нахлынуло, ну, сам помнишь... Перед самым первым уходом отсюда. Когда я тебя в «спецквартиру» повёл...³⁴

– Ну, тогда повод был, – сразу вспомнил те дни Новиков.

– Сейчас, наверное, тоже есть, – пожал плечами Сашка, – только в глаза не бросается. А вот ощущение, что мы – почти Держатели, в Замке сразу пропадает. Очень мы с ним несовместимые величины. Давай наверх поднимемся, – указал он на узкую каменную лестницу без перил, четырьмя маршами идущую вверх вдоль крепостной стены. – Грамотно сделано – если отступить по ней спиной вперёд, правой рукой с мечом удобно рубить, ещё и сверху вниз, а противнику, наоборот, никак не размахнуться. Трупы атакующих будут на идущих позади валиться, вдобавок ступени положены с небольшим наклоном наружу, а тёсанный камень от крови скользкий...

Кто же это, создавая Замок, такими мелочами озаботился? Едва ли просто копировали существующие на Земле образцы – чувствуется чужая архитектурно-фортификационная мысль. Значит, и за неизвестно сколько парсеков отсюда и феодализм имел место, и гуманоиды, штурмовавшие твердыни соседей-баронов...

С высоты стены в одну сторону виден был кусочек океана – остальное заслоняли две ближайшие башни и высящийся посередине центрального шестиугольного двора донжон. Зато материковая часть видна на десятки километров во всех направлениях. Вьётся среди невысоких, заросших вереском холмов мощённая красным кирпичом «дорога в никуда», на которую некогда прямо с балкона своей абхазской дачи переставил Воронцова Антон.

Горная гряда, почти перпендикулярная океанскому берегу. Горы низкие, сильно выветренные, покрытые пятнами дубовых рощиц посередине лугов, похожих на альпийские. Пейзаж, постепенно подёргиваясь синеватой дымкой и теряя отчётливость, у самого края горизонта сливался с ещё одной скалистой грядой, отблескивающей снежными шапками на самых высоких пиках.

– Вон там, – Шульгин указал рукой в сторону ложбинки между холмами километрах в пяти от стены, – мы с Антоном вскоре после моего возвращения с Валгаллы сидели, за жизнь беседовали. Он меня начал вербовать, с Сильвией предложил поработать... Тогда всё и началось...

– Почему тогда? А не с первого выхода на Валгаллу? Или даже с моего знакомства с Ириной?

– То само собой. А это уже нынешняя конкретика пошла. Отказался бы я, подзадержаться решил – и по-другому всё получилось бы...

– Забывать ты начал, братец, – ничего б ты не задержался, – возразил Андрей. – И мы все. Помнишь, как нас отсюда в шею выталкивали? Спасибо, пароход разрешили Диме построить, а то бы – «с вещами на выход»: на Валгаллу снова высадили или прямо в Москву...

– Да, действительно, – каким-то *пустым* голосом ответил Шульгин. – Сейчас у меня похожее настроение. Или – ощущение, чёрт его знает.

– Тогда зачем ты меня сюда тянул? – Андрея начал раздражать бессмысленный, как верчение педалей на велотренажёре, разговор.

---

³⁴ См. роман «Бульдоги под ковром».

– Почувствовал, что надо. Замку, наверное, хочется пообщаться без свидетелей, – ответил Сашка. – И даже не то что без свидетелей, а без всяких *наведённых полей*. Вариантов и *теней реальностей*. Сколько их за эти годы образовалось, прямо слоёный пирог, если считать каждый *поворот сюжета* и *хроносдвиг*. От нас ведь, по правде сказать, от тех, *прежних*, мало что осталось...

Шульгин присел на край парапета между двумя зубцами, вытащил из нагрудного кармана слегка помятую пачку. Тем самым, из молодости, жестом резко встряхнул, захватил губами за край фильтра на две трети выскочившую сигарету.

Андрей пальцами вытащил соседнюю, щёлкнул зажигалкой. Опустился на тёплые камни рядом с Сашкой.

– Мало, кто спорит, – согласился он, выпуская струйку дыма в опять ставший неподвижным воздух. – Я недавно «Дневники» Симонова листал и сейчас вспомнил. Вот он, к примеру, весной тридцать девятого на Халхин-Голе воевать начал и до сентября сорок пятого так и оттянул, как медный котелок. И повидал больше, чем любой солдат и офицер действующей армии. На фронтах и в тылу. В нём, думаешь, много от того *эстета* осталось, кто с друзьями и подругой в «Метрополе», только что в форму переодевшись, прощался? Как раз когда «жить стало лучше, жить стало веселей»³⁵. Только что из этого следует?

– Наверное, то, что Замок понадеялся – вот зайдём мы к нему на огонёк, сядем рядком, поговорим ладком – и на что-то он нас опять подпишет. И не этих, тёртых-битых, а тех... – с какой-то неясной печалью в голосе ответил Шульгин.

– Об этом и размышляешь, прислушиваешься – превращаться начал или пока нет? – делая вид, что не принимает слова друга всерьёз, с усмешкой спросил Новиков.

– Вроде того. А ты?

– Я – в норме. Чуть зацепила ностальгическая грусть, так она у меня всегда появляется, когда в *прежние* места возвращаюсь. Из *раньшего времени*. Мне даже в последние *те* годы по Москве ходить было неприятно. Слишком уж грубо целые улицы нашего детства сносили. А оказывался там, где *старое* ещё оставалось, – печалился, что это уже *не отсюда*...

– У всех свои проблемы, – усмехнулся Шульгин. – Но так или иначе, а надо всё же узнать, чего он от нас хочет. Здесь – себя не оказывает. Так всё же – где он нас принять желает? Мы и это угадывать должны? Нет чтобы попросту сказать...

– Пойдём в бар. Мы с ним там последний раз разговаривали?

– Да кто его знает? Не упомнишь. Но сдаётся, всё же в кабинете...

– В кабинет не тянет, – признался Андрей. – Давай в твой, лошадиный... Сядем, растормозимся, вспомним, как впервые в него зашли. Глядишь, как раз и войдём в нужное настроение...

– Нам нужно или *ему*?

– А вот это как раз несущественно...

Бар был точно такой, как в тот день, когда Шульгин закончил оформлять его цветными витражами-ню. Те же драпированные стены без окон, неяркая подсветка замаскированных ламп, имитирующих свет зимнего пасмурного дня. Приподнятый над ковролиновым полом подиум, ведущие на него несколько низких, но широких полукруглых ступеней. Деревянная, окованная старой, вытертой локтями медью стойка с многоцветьем этикеток на бутылках самых причудливых форм. Слева – несколько старинных пивных бочек, торчащие из них причудливой формы начищенные бронзовые краны.

---

³⁵ «Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее» – фраза из доклада И. Сталина на Первом всесоюзном совещании стахановцев в 1935 г.

Запах, который невозможно идентифицировать, но безусловно приятный и задевающий романтические струнки подсознания, – старым деревом немного пахнет, дымком и воском догоревших свечей, разными, но одинаково волнующими духами нескольких только что вышедших отсюда женщин... И ведь не вспомнить сейчас – так ли пахло здесь прошлый, позапрошлый, все другие разы или букет составлен только что, под настроение. Или – *для* нужного настроения.

Шульгин в своё время добавил к предложенному антуражу несколько витражей, точнее – стеклянных фотопанно, где были изображены в натуральную величину очень симпатичные девушки в разных интерьерах и в разных степенях полуобнажённости. Одна так даже верхом на великолепном коне во время стремительной скачки по летней южнорусской степи. Все модели – из числа его бывших подружек, с полным портретным сходством, но, понятное дело, слегка идеализированные. Подлинный соцреализм – изображение не того, что есть на самом деле, а того, что должно быть³⁶. Тут убавлено, там прибавлено. Ноги чуть подлиннее, талии потоньше, груди твёрже и формой идеальнее, как у роденовских красоток, глаза больше, волосы пышнее. Кто был знаком с прототипами – узнает, не ошибётся. Но впечатление получит совсем другое. Ошеломляющее! Мол, где же были мои глаза *тогда*?! Или – знать бы, что под скромным платьем она – *такая*?!

Музыка... Ну, с музыкой всё нормально – микст из мелодий шестидесятых-семидесятых годов. Негромко и именно на тех инструментах, какие нужно – кларнет, саксофон, труба, – все на своём месте. Никто никого не заглушает, не подавляет дурными децибелами, сумасшедшими соло бас-гитары или ударной установки. Будто бы в соседней комнате собрался и наигрывает *для своих* оркестрик крепких профессионалов, решивших *тряхнуть стариной*.

Налили по рюмочке, кому чего захотелось, опять закурили. Ну, хозяин, мы к твоим услугам. Что ещё нужно для конфиденции, уж такой, что конфиденциальней не придумаешь? Вне всякого времени и пространства...

– Правильно всё поняли, – как они ни ждали, а всё равно внезапно зазвучал словно бы со всех сторон знакомый мягкий баритон, интонированный, как у профессионального чтеца-декламатора. Сильно усовершенствовался Замок, поначалу он своим синтетическим голосом напоминал только что научившегося говорить глухонемого.

– Я действительно хочу, чтобы вы вспомнили, какими были тридцать лет назад. До того, как мы впервые встретились.

– Тридцать? – одновременно спросили оба, а Новиков продолжил: – Да неужели тридцать?

– Календарно – да. А со всеми перемещениями, выходами в астрал, сменой эфирных, тонких и прочих тел – вообще сказать невозможно. Это вне обычной хронологии.

– Тогда нужно судить чисто биологически. Выходит лет пять-шесть, не больше, – возразил Новиков.

– Ничего не выходит, особенно если учесть, что вы гомеостатом бесконтрольно пользовались и более-менее продолжительное *время* абсолютно непоследовательно существовали в трёх разных веках. То плюс семьдесят, то минус сто двадцать, и ещё несколько континуумов, вообще не имеющих отношения к хронофизике данных пространств. Мотогонки по спутанным кольцам Мёбиуса – интересная аналогия?

Согласимся – физиологически вам по-прежнему нет и сорока, но это тоже не по-настоящему, психологически – даже мне неизвестно сколько. Поэтому единственно корректная точка отсчёта – год начала перемещений, реинкарнаций и трансмутаций. А с неё прошло как раз тридцать лет. Согласны?

---

³⁶ Формулировка приписывается А.А. Жданову, главному идеологу ВКП (б) (1896–1948).

Замок говорил тоном принимающего зачёт доцента, и опять не верилось, что они слышат голос не человека, вообще не «существа», хоть гуманоидного, хоть нет, а некоей «субстанции», циркулирующей в хитросплетении узлов и струн Гиперсети. Отчего-то именно сейчас эта мысль пришла в голову сразу обоим друзьям, хотя за те самые «неизвестные годы» они по многу раз возвращались к теме Замка и их с ним взаимоотношений.

Очевидно, всё это как-то увязывалось с самим фактом их очередного сюда прихода и непонятного настроения Шульгина. Именно потому, что настроение Сашки показалось Новикову странным, он и взял на себя лидирующую роль в разговоре. Не в первый раз.

– Согласны, а куда денешься? Так оно в конце концов и выходит. Я, когда со своим дружкой, Юрой Александровым, журналистом-политологом, в нынешней Москве впервые *с тех пор* встретился, он меня сразу просчитал. Ну не сразу, – поправился Андрей, – в начале второй бутылки. Я и залегендировался, и загримировался, старался держаться, как интеллигентный «новый русский» из их сериалов. И всё равно прокололся. На взгляде. Как он на меня заорал тогда: «Ты что, бля, прямо из семьдесят пятого явился, немой укором?»³⁷ Было у нас кое-что как раз с тем годом связано... Ну, ладно. Считай, мы из восемьдесят четвёртого так и не выкарабкались. Как Басманов из своего двадцатого. Сколько его ни пытались здесь «социализировать» – по нулям.

– Сейчас у него вроде девушка из валькирий появилась, – слегка улыбнулся Шульгин. – К свадьбе дело идёт, я слышал.

– Хочешь, поспорим, она к нему поедет, а не он в Гвардию Олега... – будто обычный «третий из компании», поддержал тему Замок.

– Видно будет, – отмахнулся Шульгин. – Лучше бы кончал волам хвосты крутить. Что тебе опять надо, всемогущий ты наш? – повернулся он в сторону тех драпировок, за которыми, как ему казалось, прятался динамик, вещавший голосом Замка. – То Антон твой возвышенными идеями головы морочил, сейчас ты скоро час к снаряду подходишь, никак не разродишься. Ну?

– Вот этого и хочу, о чём сказал. Чтобы вспомнили, какими были тридцать лет назад.

– Так. Вспомнили. Дальше...

– Помните, вопросы у вас возникали, как можно левашовскую СПВ «на всю катушку» использовать?

– Помним, – опять вместо Шульгина ответил Новиков. – Хохмили в основном, чтобы крыша с места не сдвинулась от осознания грандиозности случившегося. Блок американских сигарет с оптового склада утащили, а не из спецбуфета, чтоб продавщице за «злоупотребление» голову не открутили. Тогда вообще с посягающими на *пайку* «власть имущих» не церемонились.

– Такие жалостливые были? – с оттенком иронии спросил Замок. – Тогда чего завскладом не пожалели?

– У того другие возможности. Усушка-утруска, путаница в накладных, недовложения в пункте отправления. Отмажется... – ответил Новиков. – Вернее, «отмазался», скорее всего.

Шульгин встал, подошёл к дверце «синтезатора», потыкал пальцами в кнопки, вернулся с двумя высокими бокалами чего-то зелёного и пузырящегося. Поставил на столик. Сделал глоток, задумчиво почмокал губами.

– Ты читать умеешь? – спросил он, явно обращаясь к Замку, поскольку на Андрея в этот момент не смотрел.

– На каком языке? – Замок, похоже, был удивлён бессмысленностью вопроса.

---

³⁷ См. роман «Хлопок одной ладонью».

– На русском, на английском. Неважно. Был такой писатель... – Сашка пощёлкал пальцами, пытаясь вспомнить. – Ну, рассказ назывался «Я – это другое дело». У нас напечатан в конце шестидесятых, в красненьком томе «БСФ»...³⁸ Вспомнишь?

– Не проблема. Том десятый. Автор – Фредерик Пол. Ты эти слова имеешь в виду? – Замок подтвердил свои актёрские способности. Будто великий Качалов или ведущий многих радиопередач «для детей и юношества» Борис Толмазов, он прочитал с выражением и с нужными интонациями: – «Кто может поручиться за человека, который вдруг почувствует себя богом? Предположите, что какой-нибудь человек стал единственным обладателем секрета, дающего ему возможность проникать сквозь любые стены, в любое закрытое помещение, в любой банковский сейф. Предположите, что этому человеку не страшно никакое оружие. Говорят, что власть разлагает. Что абсолютная власть разлагает абсолютно. Можно ли себе представить более абсолютную власть, чем та, которой обладал Коннот? Человек, который, не боясь наказания, мог делать всё, что ему взбредёт на ум? Ларри был моим другом, но я убил его совершенно хладнокровно, понимая, что человека, владеющего тайной, которая может сделать его властелином мира, нельзя оставлять в живых.

Я – это другое дело».

– Молодец, – похвалил Сашка. – Раз сразу нашёл цитату, значит, понял? Нас сначала было трое, сейчас – несколько десятков. И никто друг друга не убил. И никто не захотел стать властелином мира, хоть персональным, хоть коллективным. Имей в виду, мы ведь не только *это* читали. Много другого тоже. И «за», и «против». Выбор, как видишь, сделали...

– Потому я и решил иметь с вами дело. С самого начала. С Воронцовым познакомился, проверил, кто он такой и чем живёт. Направил его к вам. Тоже неплохо получилось. Лариса, при всем её своеобразии и первоначально острой к вам неприязни, в первый же вечер с вами совпала. Наталья, наполовину придуманная Дмитрием, наполовину мною... Даже – Сильвия без особых душевных терзаний перешла на вашу сторону. А дальше уж вы сами *систему* выстраивали. Братство...

– Люди одной серии, – грустно усмехнулся Новиков. – Значит, всё правильно. Только смысла как-то маловато. Сами поразвлекались, да и то сомнительно, а человечеству с этого что? Спасали мы его? А может, без нас и спасать бы нужды не было...

– Глупость говоришь, – строго перебил Замок. – Люди на фронтах умирали, вообще не зная, чем через три года час или день, выигранный на безымянной высоте, обернётся...

– Возвышенно, – сказал Шульгин, опять закуривая, словно Штирлиц, для стимуляции специфического воображения. – Неужто сам так мыслишь или подобный *психологический заход* в набор стандартных программ входит?

– Мы эту тему, кажется, с самого начала обсуждали, – без обиды ответил Замок. – Впрочем, если ты всё же вернулся *туда*, то всё правильно...

Новиков, услышав эти слова, вдруг с удивлением ощутил, что на самом деле *поменялся*. Вот прямо только что. Ощущения стали ярче, впечатления от окружающего – непосредственнее, а воспоминания подёрнулись сепией времени, как фотографии на старинной бумаге «Бромпортрет». Механическое это вмешательство в его нервно-психическую деятельность или нечто вроде нейро-лингвистического программирования? «Вы бодры и веселы. Вы полны сил. Все ваши проблемы ничего не значат. Вы радостны, вы счастливы, вы здоровы!»

Не так грубо, конечно, но методика схожая.

Или всё же как с Натальей? Сначала Замок внутри себя её смоделировал, Воронцову предъявил для проверки степени соответствия, а потом эту идеальную матрицу на реально

---

³⁸ «Библиотека современной фантастики». В 15 основных томах +12 дополнительных. Самая полная (и единственная в СССР) антология лучших образцов советской и зарубежной фантастики 50–60-х гг. Издавалась с 1964 по 1972 г. Тираж 215 тыс. экз. Распространялась только «о подписке». Цена тома от 60 коп. до 1 руб. На «чёрном рынке» – в среднем «пять номиналов».

существующую, очень даже не идеальную женщину наложил. Внешность каким-то образом «подрихтовал», воспоминания подтёр, черты личности какие ослабил, какие усилил. А главное, внушил, что весь смысл её существования – это быть рядом с Воронцовым, верной женой и надёжной подругой на всю жизнь. А остальное, что она получила (Наталья ведь сама заметила, что спать легла самой обычной, перевалившей за всё те же роковые тридцать одинокой женщиной «нелёгкой судьбы», а проснулась доброй красавицей, в этот же день встретившей своего «капитана Грея»), – это как приложение к любви и награда за верность. Верность, тоже слегка придуманную. В настоящей жизни она отнюдь не монашествовала, но в зачёт пошло то, что в её памяти давнишний курсант Фрунзенки остался самым лучшим из всех бывших у неё мужчин.

А сейчас Замок начал манипулировать уже ими?

Впрочем, глупое слово, ставшее вдруг очень модным среди «креаклов». Убедить человека, что правильнее служить и при необходимости голову сложить «за друга своя», чем сдать в плен и пойти в полицаи, – это манипуляция?

Или манипуляция – это только когда «лоха разводят на бабки»? Но в любом случае очень многие на вид умные люди при любой попытке довести до них информацию, расходящуюся с общепринятой в их кругах, начинают тут же кричать о «манипуляциях». На самом деле речь идёт совсем о другом.

– Неужели вы так до сих пор и не поняли, что всё, что вы делали, в основном – по собственной воле...

– В основном? – тут же прицепился к слову Шульгин.

– Конечно, в основном. Часто обстоятельства вмешивались, но решения вы всё же сами принимали. Так я продолжу? Всё, что вы делали, в итоге оказывалось на пользу. Вам и людям. Те, что в Югороссии сейчас живут, могли бы вовсе не существовать, кто от голода и «испанки» умер бы, кто в эмиграции сгинул. А они благодаря вам живут, на благо Отечества и счастливо. Да и в оставшейся РСФСР сейчас получше, чем при «едином СССР». А это же вы создали те миры.

В Отечественную войну на сколько миллионов людей благодаря тебе, Андрей, и Берестину больше выжило? И насколько послевоенная история гуманнее будет? Ежова вовремя устранили... Сталину характер чуть поменяли... Не зря же его в нынешнее время даже на ГИП всё больше людей добрым словом вспоминают. И какого вспоминают? Тобой Андрей, и тобой, Саша, придуманного, а не того, что на самом деле жил. И так далее, по мелочи. Не могу сказать, что хоть где-то от вашего вмешательства стало хуже. С отдельными личностями, конечно, по-разному случилось, но история такими категориями не оперирует... Выходит, мы не ошиблись.

– Мы? – спросил Новиков.

– Мы, – согласился Замок. – Я и Антон. Перед тем, как Воронцова пригласить и в ваши разборки с агтрами вмешаться, думали – стоит ли? Не лучше ли уничтожить изобретение Левашова, избавить тебя от общения с Ириной, вычеркнуть Берестина, застрявшего в парадоксе? Вся ваша литература утверждает, что самое главное – не допускать аборигенов до современных технологий. Ле Гуин, «Планета изгнания», и культовая – «Трудно быть богом»...

– Верно, – согласился Новиков. – Я когда «Трудно быть богом» прочёл, с нашим историком заспорил. Он тоже Стругацкими увлекался и с Руматой был вполне согласен. Нельзя, мол, лишать цивилизацию её собственного пути и выбора. Я его и спрашиваю: а как тогда с Монголией? С Киргизией, Казахстаном, Тувой? Мы ж их из самого глухого феодализма в социализм затащили, минуя целую историческую формацию, а то и две. Вооружили, свою систему управления установили, ненужным им наукам обучать стали, заводов понастроили и кочевников к станкам приставили, в космос запустили – это можно? Он чего-то плёл-плёл, а потом закончил, как положено: «Не занимайся демагогией. Тут – исторический материализм, а там – фантастика»...

– И ты тут же вставил: «А там – базовая теория феодализма. Почему у нас «базовой социализма» нет?» – то ли спросил, то ли констатировал Шульгин.

– Верно, вставил. Но он на меня «стучать» не стал, махнул рукой и ушёл, прекратил дискуссию.

– Ну и почему же вы инструкции нарушили? – вернулся к исходной теме Новиков.

– Да потому что сами такие же. Антон среди своих «диссидент», за что и бессрочный срок получил, я... – тут он замолчал, не стал распространяться, но Сашка с Андреем вольны были догадаться, что на каких-то уровнях и Замок по отношению к другим... Замкам? Или иным каким структурам – тоже инакомыслящий.

– Молодцы. Значит – наверняка разумные существа, если поперёк инструкций и приказов идти умеете, – без всякой иронии сказал Новиков.

– Спасибо на добром слове, – поблагодарил Замок. – Решили мы, одним словом, оставить всё, как есть, и посмотреть, в какую сторону дела повернутся. Признаться, всем давно надоела эта бесконечная партия... Представляете – шахматная партия на тысячеклеточной доске, без ограничения времени.

– Представляем, – кивнул Шульгин.

– Не ошиблись мы, – со странной интонацией сказал Замок. – Намного интереснее стало. И не только нам. Главное – вы сумели ухитриться не использовать почти ничего, что могло бы кардинально перевернуть историю, точнее – её законы, и законы природы заодно. Почти всё время на краешке допустимого удерживались. Не поверите – ни в одном из известных мне миров с таким не сталкивался.

– Так это ж не мы такие идеальные, – заскромничал Шульгин, – это, наверное, просто национальный характер в его идеальном воплощении...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.